

Виктор Анатольевич

Хорошулин

Валерий Васильевич Сергеев

Трусс и рыцарь.

Покорение

Ульмигании

Виктор Хорошулин

**Прусс и рыцарь.
Покорение Ульмигании**

«Издательские решения»

Хорошулин В. А.

Прусс и рыцарь. Покорение Ульмигании / В. А. Хорошулин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903745-9

Книга рассказывает о периоде покорения Пруссии Тевтонским орденом.
О пруссах — ушедшем и забытом народе, о его истории и культуре. О дружбе
тевтонского рыцаря и прусского жреца. О любви к родине и любви к женщине.

ISBN 978-5-44-903745-9

© Хорошулин В. А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
ЧАСТЬ I. ВТОРЖЕНИЕ	8
Глава 1. 1217 год. Конец лета в Самбии	8
Глава 2. 1218 год. Встреча на Палатинском Холме	14
Глава 3. 1229 год. Рыцарь и оруженосец	19
Глава 4. 1230 год. Весна в Самбии	25
Глава 5. 1231 год. Нашествие	31
Глава 6. Муж и жена	38
Глава 7. 1232 год. Рейд за подарком из Палестины	44
Глава 8. 1232 год. Самбийское лето	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Прусс и рыцарь. Покорение Ульмигании

Виктор Анатольевич Хорошулин

Валерий Васильевич Сергеев

© Виктор Анатольевич Хорошулин, 2018

© Валерий Васильевич Сергеев, 2018

ISBN 978-5-4490-3745-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Настороженный самбийский (1) лес... Тёплое, безветренное и пасмурное утро. Поверх травы появился жидкий туман, деревья словно уснули. Сухо прощёлкал проснувшийся дрозд, а над верхушками сосен что-то грустное просвистела ранняя птица... Вдруг громко, как ненормальная, застрекотала сорока, предупреждая всю округу о приходе чужаков...

Через лес медленно продвигался небольшой отряд закованных в железо воинов. Их лошади тоже несли на себе защитные доспехи. На белых плащах всадников чернели кресты. Колонна из двух братьев-рыцарей и пяти братьев-сариантов (2), а также дюжины кнехтов (3) растянулась на полсотни шагов. Позади на лёгкой повозке, трясся священник, зорко следящий за тем, как кнехты тащат на носилках нечто, похоже на ящик, обёрнутое в грубую рогожу. На тропе оставались глубоко вдавленные следы их ног. Среди лесной тишины, нарушаемой стуком копыт, шорохом сухих листьев, скрипом ремней да звоном сбруи и оружия, изредка раздавалось бормотание переговаривающихся между собой братьев и слова молитвы из уст священника.

Однообразный пейзаж порядком надоел воинам. Постоянно приходилось нагибаться под влажными от росы ветвями вековых деревьев. К тому же в утреннем сумраке висела вполне осязаемая тревога. Казалось, что рыцари вторглись на чужую, запретную территорию и вот-вот может проснуться её грозный хозяин...

– Какого дьявола ты повёл нас по этой осклизлой тропе? – раздражённо обратился рыцарь командор к проводнику. – Мы ползём по ней, словно полудохлые гадуки!

– Простите, пан рыцарь, но это – самая надёжная и малозаметная тропа. Пойди мы другим путём, нас тотчас бы обнаружили... А так – солнце ещё не сядет, как мы войдём в Трискойто, что на берегу Прегоры (4), где и сядем на корабль!

Высокомерная улыбка тронула губы рыцаря.

– Будь по-твоему, пся крев (5).

Первая стрела, свиснув у лица командора, с глухим стуком вонзилась в светло-коричневый ствол сосны, и, погудев, словно рассерженный шмель, замерла... Тут же в шлем ехавшего рядом с ним брата-рыцаря, звонко ударила и отскочила под конские ноги вторая, отчего грузный воин сильно качнулся в седле, а следующие две стрелы – впились в шею и грудь идущего позади них кнехта... Далее на отряд обрушился целый дождь смертоносных стрел. Они летели со стороны поросшего густым кустарником холма, находящегося слева от тропы, по которой рыцари Тевтонского Ордена следовали в портовый Трикойто. Послышались брань и стоны, всадники обнажили свои мечи и прикрылись щитами, украшенными чёрными крестами, а кнехты нашли убежище за стволами деревьев. Однако, трое из них так и остались лежать на дороге, а один из братьев-сариантов безжизненно уткнулся лицом в гриву своего боевого коня...

На несколько мгновений стонущая тишина сомкнулась над людьми... Лишь негромко шелестели высокие кроны. Ничего, кроме шёпота листьев и ветвей... Но тут за спинами тевтонцев раздался громкий призывный клич, подхваченный яростным рёвом множества глоток, и меж деревьев замелькали фигуры нападающих прусских дружинников. А по тропе спереди и сзади на крестоносцев уже мчались всадники...

Через четверть часа всё было кончено. Все братья прославленного Тевтонского Ордена были зарублены или заколоты отважными витязями лесного края. Пока дружинники собирали оружие и снимали доспехи с павших крестоносцев, возле повозки с убитым монахом остановился всадник на статном белом коне. Был он в блестящем шлеме и богатой кольчуге, поверх которой накинута дорогой синий плащ. Его ладную фигуру охватывал искусно расшитый широкий пояс.

– Посмотри-ка, Тривис, что они везли в своём ящике, – приказал он бородатому воину, указывая на покрытый рогожей прямоугольный предмет длиной в два с половиною локтя. – Уж больно яростно они его защищали... Не удивлюсь, если в нём находится золото!

Тот сбросил на землю тело мёртвого монаха, поддел боевым топором и откинул крышку деревянного ящика. Взору вождя предстал довольно большой ларец из блестящего жёлтого металла с изображенными на его крышке двумя младенцами с распущенными крыльями.

– Золото! – довольно проговорил кунигс (6). – Хвала Перкуно (7), оно нам очень пригодится при торгах с жадными поляками и норманнами (8)!

– Да, ты знаешь, храбрый Прест, как снискать милость Богов и приманить удачу, – ухмыльнулся бородатый воин.

– Конечно, Тривис, для того, чтобы привлечь удачу нужно всего лишь рискнуть, но иногда очень серьёзно и очень многим. Только тот, кто прошёл по краю пропасти и не дрогнул, достоин милости наших Богов!

– Но тут есть что-то ещё! – воскликнул другой воин. – Хвала Перкуно!.. Но это совсем не золото!..

ЧАСТЬ I. ВТОРЖЕНИЕ

Глава 1. 1217 год. Конец лета в Самбии

– Крепче держи руку, Барт! А тетиву натягивай плавно, без рывков! Слишком сильно не надо... Тщательнее прицеливайся!

Крепкий на вид мужчина с рыжими волосами, с такого же цвета усами и бородой внимательно наблюдал, как парнишка лет семи принаравливается к стрельбе из отцовского лука.

– Не спеши... Но и не мешкай!

Наконец, щёлкнула тетива, и стрела устремилась в сторону тёмной чащи. Там, шагах в двадцати от стрелка, стоял замшелый пенёк с приставленным к нему куском сосновой коры. Это была мишень, которую пытался поразить парнишка. Стрела же воткнулась в пенёк, совсем рядом с нею.

– Неплохой выстрел, – отец улыбнулся в бороду. – Ещё немного, сынок, и ты научишься обращаться с настоящим охотничьим луком!

Они подошли к пню, отец вытащил стрелу, взял в руки лук. Над их головами по сосновому стволу дятел начал выстукивать свою «музыку».

– Батюшка, а ты сможешь отсюда подстрелить дятла? – шёпотом спросил мальчик.

– Зачем, Барт? – отец искренне удивился. У него был исключительно богатый охотничий опыт: он знал места обитания, повадки всех зверей и птиц, прекрасно ориентировался в лесу...

Мальчишка медлил с ответом. Добыча-то была бы никчемной.

– Проверить свою меткость, – наконец, нашёлся он.

– И что, из-за этого убивать птицу? Лесным духам это не понравится, Барт, Они не позволят просто так уничтожить лесное население...

– Они действительно могут нас наказать? – мальчишка не на шутку перепугался.

– Конечно, сынок. Тех, кто наносит вред лесу ради забавы, духи быстро образумят... И хорошо ещё, если не покалечат... Ведь, например, сломить ветку дереву, всё равно, что сломать руку человеку. И запомни, сын: там, где стучит дятел, там всегда появляются лесные духи Гиро и Каримбо. Ты замечал, что «дробь» дятла всегда разная? То медленная, то быстрая. Так он общается с духами...

– Ну, тогда... выстрели вон в тот мухомор!

– Нет, Барт. Пусть растёт... Самый большой грех для воина – обидеть слабого и беззащитного. Почему? Потому что это легче всего сделать...

– Но это же плохой гриб! Съев его, можно умереть!

– Да. Но мы его есть не будем. А вот лось легко может «закусить» им...

– И что, лось не издохнет?

– Нет. Для него этот мухомор, как для меня... жбан медовухи, – рассмеялся рыжебородый. – Лось немного опьянеет от него и всё. Пусть растёт... И запомни: в лесу нет ничего вредного или бесполезного. Всё, что создала Богиня Земли, всё это нужно. Если не нам, так другим лесным жителям....

– Богиня Земли... – задумчиво повторил мальчик.

– Да, сынок. Она покровительствует плодородию и заботится о том, чтобы всё вокруг росло, цвело и плодоносило...

– Видимо, она добрая и красивая...

– Очень. Люди сказывают, что она выглядит, как... женщина с длинными, светлыми волосами, тихим, певучим голосом и синими глазами...

– Как у нашей мамы...

– Да, как у мамы...

– А что ещё про неё говорят?

– Толкуют, что как-то раз пришла к ней бедная девушка из селения Пакальнис. Она жила одна и некому было о ней позаботиться. Отец её и матушка умерли, находились высоко в небесах и не могли ей ничем помочь...

– А Богиня помогла?

– Богиня Земли велела бедняжке посадить на высоком холме белую розу. Вскоре в том месте принялось расти высокое дерево – с ветвями до облаков. Несчастная сирота добралась по веткам дерева до облаков и пожаловалась родителям на свою тяжёлую долю...

– И что, её отец и мама помогли ей? – спросил Барт, стряхивая с лица налипшую паутинку.

– Конечно, сынок. Я уж не знаю, как именно, но – утешили.

– А по ветвям нашего священного дуба Гридижалиса тоже можно добраться до небес?

– Вряд ли, – улыбнулся отец. – Если бы это было возможно, всякий бы полез, для дела или без дела... А на небесах – свои заботы.

Отец на мгновение умолк, затем положил стрелу на тетиву, натянул последнюю и, легко и неслышно повернувшись, выстрелил в лесную чашу.

– Кто там? – еле слышно спросил малыш.

– А пойдём, посмотрим, – усмехнулся отец.

Парнишка бегом бросился в ту сторону, куда был произведён выстрел, а мужчина, вновь спрятав улыбку в усы, не спеша побрёл за ним.

– Отец! – вскоре раздался счастливый голос ребёнка. – Ты подстрелил зайца! Смотри, какой он большой и жирный... А лесные духи не будут нам мстить за то, что мы убиваем зверей?

– Нет, сынок. Мы убиваем их, чтобы самим не умереть с голоду... Так уж определено лесными законами – одни звери поедают других, и люди тоже кормятся дарами леса – охотятся, собирают грибы и ягоды, берут у пчёл мёд...

Рыжебородый бросил в суму тушку убитого зверька, лёгким движением ладони хлопнул комара, усевшегося ему на лоб, и огляделся. Лес хранил тишину, лишь в вышине о чём-то перешёптывались ветви деревьев, над ними парили коршуны, высматривая добычу, белки прыгали по стволам сосен, а внизу призывно сверкали шляпки грибов. Но охотник ими не интересовался, грибы и ягоды – это удел женщин.

– Я отдам зайца жрецам-вайделотам, когда подойдём к капищу, что на горе Твангсте. Пусть они принесут жертву великому богу Окопримсу (9), а также другим богам, Потримпо и Курхо (10) и попросят, чтобы нам сопутствовала удача на охоте и в поле.

Они присели на поваленный ствол и достали нехитрую снедь, приготовленную им женой и матерью с синими глазами. Из земли тут и там торчали причудливо извивающиеся корни деревьев, чуть в стороне виднелся покатый горб муравейника. На листьях папоротника плясали солнечные пятна. Парило, сладко пахло травами и терпко – потом от одежды людей. Вот неподалёку робко чирикнула какая-то пичуга и, словно испугавшись, смолкла... По обычаю, отец отломил кусок хлеба с сыром и повесил его на ветвь бузины.

– Это – лесным духам, добрым Гиро и Каримбо...

На обратном пути рыжебородый подстрелил куропатку, выпорхнувшую буквально из-под ног Барта. На этом отец и сын решили охоту закончить. Теперь они шагали по густому листовому лесу с молодой порослью и кустарником. Ежевика и шиповник сплелись местами в непролазные заросли. Двигаясь по густому подлеску, мальчик срывал и жевал яркие кисловатые ягодки. Однажды в стороне болота в густом осиннике что-то громко затрещало: лось, наверное,...

– А стрелять из лука учишь, сын. Любой мужчина в Самбии должен владеть луком мастерски. Как и боевым топором... Обращаться с ним тоже нужно уметь. И я покажу тебе все приёмы... Недалёк тот день, когда и тебя дружинники возьмут в поход на Польшу...

– А что там делать в этом походе? Убивать людей и отбирать у них золото?

– Не знаю, – усмехнулся отец. – Я из одного такого похода привёз себе замечательную жену.

Путь на гору Твангсте лежал через неширокий и мелководный ручей, который встретил их чуть слышным нежным журчанием. Первым делом, отец и сын напились прохладной воды и умылись. Ручей бережно нёс свои воды среди кустов ежевики, берёз и осин. По её глади легко скользили шустрые водомерки... Над песчаным дном резвились мелкие рыбёшки. Жук-плавунец поспешил спрятаться в гуще зелёных водорослей. Рыжебородый заметил, что в воде всё больше появляется опавших жёлтых листьев. Близится осень...

Мужчина снял мягкие кожаные сапоги и вошёл в воду. Он встал ногами на лежащий на дне ручья тёмный камень.

– Барт, – поди, встань сюда... – он указал сыну на второй такой же валун.

Мальчишка знал, что народ, к которому он принадлежал, относился с уважением к камням. Их не следовало оскорблять, как и другие силы природы, иначе они могут жестоко отомстить... Как правило, наибольшим почтением пользовались крупные валуны с множеством естественных впадин и углублений, происхождение которых люди связывали с пребыванием на земле Богов.

Рыжебородый охотник знал, что крепость, твёрдость и нерушимость камня влияет на дух и силу мужчины-воина. Если не хочешь, чтобы болела голова, во время первого грома трижды ударь себя камнем по голове или столько же раз перебрось его через голову. А чтобы не уставали ноги, встань на него босыми ступнями. Вот поэтому мужчина не мог пройти мимо таких «подарков». Дома же, в огороде жена при посадке капусты непременно укладывала на грядку камень, чтобы кочаны вырастали большими и твёрдыми.

– Становись, сынок, на камень и поблагодарим Богиню Земли за всё то, что она делает для людей... – и сам начал говорить про себя такую речь: – Земля, мы называем тебя Матерью. Пусть не всегда люди обращаются с тобой так, как положено почтительным детям, но наш народ относится к тебе с величайшей любовью, и ты платишь нам тем же...

Сам мужчина, когда ему случалось давать торжественную клятву, касался ладонью земли, а иногда вынимал кусок дёрна и возлагал его себе на голову, таким образом, делая ложь невозможной, так как был уверен, что Земля не станет носить лжеца.

Через некоторое время, перейдя ручей вброд и миновав небольшую рощицу, где оба поклонились старому-престарому дубу, отец и сын вышли к поселению Лауме. Эта община насчитывала десять домов, один из которых принадлежал им. Одиннадцатый дом строился на том месте, с краю поселения, куда и вышли наши охотники. Возле жилья людей располагались поленницы дров, зерновые клетки, помещения для домашних животных, а также баня. Весь комплекс строений окружала изгородь, в пределах которой и проходила повседневная жизнь общины. Здесь же гуляло несколько свиней, куры и пара крупных собак. Выпас лошадей, коров, овец и коз проходил на лесных опушках. Лучшими пастбищами считались заливные луга в пойме реки.

Возле ближайшего дома на суку дерева висела толстая верёвка, на которой раскачивался босоногий малыш. Рядом две девочки играли на траве с глиняными утицами, а стайка мальчишек довольно метко метала небольшие дротики с костяными наконечниками в стоящую у частокола чурку.

Минуту рыжебородый стоял и любовался работой пятерых мужчин, трое из которых были в почтенном возрасте, а двое – совсем молодыми парнями. Видимо, охотник хорошо знал их всех, потому и приветствовал громко и весело:

– Доброго здоровья, Гронас! Я вижу, ты со своими братьями и племянниками уже заканчиваешь строительство? Боги благоволят к работающим людям, скоро будешь справлять новоселье!

– И ты здравствуй, Скамбо! – оторвались от работы все пятеро. – Всё бродишь по лесам, да не один, а с сыном! Убеждён, что из него вырастет знатный охотник!

– Увы, старина, я не уверен в этом, – усмехнулся Скамбо. – Я показываю ему следы зверей – зайца, кабана, лося, рыси, но вижу, что у маленького Барта душа лежит совсем к другому ремеслу... Его больше интересуют травы... Полгода назад, когда знахарь Гунтар вылечил его от лихоманки, наш малыш заинтересовался лечебными грибами, растениями и прочими премудростями знахарей... Думаю, не отдать ли его на обучение тому же Гунтару...

– И отдай! Парнишка у тебя толковый, видать, сам Потримпо ему помогает! Пусть учится! А уж бить зверя умельцы найдутся!

Гронас, низкого роста, коренастый мужчина лет пятидесяти подошёл к Скамбо, и они обнялись. Тут же подтянулись два его брата со своими сыновьями, все они тепло поприветствовали вышедших из леса охотников.

– Какая дружная у тебя семья, Гронас, – с улыбкой заметил Скамбо. – И работать вместе веселее!

– Да, братья с племянниками помогают... У меня же, сам знаешь, одни девки... Зато какой знатный обед они сейчас готовят!

Скамбо с любопытством осмотрел строительство. Гронас возводил постройку, одну из тех, которые получили широкое распространение на территории между Вислой и Неманом – прямоугольную, размерами шесть на восемь шагов. Каркас он поставил на кладки из камней, которые образовали своеобразную завалинку. Стены Гронас с роднёй уже обивали жердями, затем их предстояло промазать глиной. Потолок жилища был горизонтальный, он тоже требовал подобной отделки. Внутри жилища виднелся выложенный из булыжника очаг.

– Дружище Гронас, если нужна моя помощь...

– Не спеши, Скамбо. Вот начнём обмазку глиной, тогда я приду к тебе за помощью. Ты в этом деле – известный мастер! Кстати, не слышал, собирает ли кунигс Жемайло новый поход?

– Поговаривают, будто бы на будущую весну... Хотя, пока это просто разговоры. Должен дать благословение Криве-Кривайто. Если будет поход, я пойду в дружину. А нет – отправлюсь на побережье собирать янтарь. Занятие безопасное, но не менее прибыльное, – Скамбо широко улыбнулся. – Но к этому времени ты уже справишь новоселье! Кстати, помогают ли тебе барздуки? (11)

Гронас вытер пот.

– Будешь смеяться, Скамбо... Но они здесь. Вот Матиус их видел, – он кивнул в сторону брата, сухощавого мужчину лет пятидесяти.

– Мы на ночь накрыли для них стол..., – подтвердил тот. – Оставили немного медуухи и сыра. А ночью я внезапно проснулся, словно разбудил меня кто-то... И слышу, что рядышком бормочут... Открыл я один глаз, и увидел... тени. Быстро-быстро барздуки убрали снедь со стола, наутро, конечно, мы все в этом убедились... Зато дела у нас теперь спорятся, хвала Окопримсу!

– Так я найду к тебе, Скамбо... – напомнил Гронас, когда, простившись с работниками, отец с сыном направился домой.

– Буду ждать. Да пребудут с вами Пергрубиус (12) и Пушкайто (13)! – произнёс на прощание охотник.

После беседы со старым другом, Скамбо с сыном сделали небольшой крюк и появились на капище, где вручили старому жрецу-вайделоту по имени Жол подстреленного зайца. Тот пообещал донести до Богов весть о благородном Скамбо, для того, чтобы те благоволили к нему и впредь.

Проходя по селению Лауме, охотник с сыном встретили нескольких жителей, которых также приветствовали. С некоторыми из них охотник останавливался и кратко (но слишком долго, как казалось маленькому Барту) разговаривал. Так он узнал, что заболел гончар Мелниас, что кузнец Гвидо отправился в соседнее селение вершить кровную месть, что знахарь Гунтар спас молодую жену шорника Йоштиса. Её и ребёнка, которого та родила... Скамбо же всем говорил, что его сын уже стрелял из настоящего боевого лука и со временем из него выйдет хороший охотник и боец. А если пересилит желание лечить людей, то разве ж это плохо?..

Солнце поднялось уже высоко и стояло в самом зените, когда охотники появились перед порогом своего дома. К слову, его ступени были выточены из клёна, что по поверью защищало жилище от злых духов. Внутри вдоль стен тянулись длинные лавки, под которыми громоздились глиняные горшки, охотничья и хозяйственная утварь. Дым обложенного камнями очага уходил наружу через отверстие в крыше, отчего стены и потолок были покрыты слоем копоти. Огонь в очаге сохраняли с вечера, накрыв угли сосудом с отверстиями. В прежние времена за неугасимый огонь головой отвечали вайделоты, но теперь его мог разжечь при помощи кресала каждый мужчина.

Супруга Скамбо, Анни, купала в деревянной лохани двух дочурок, сестричек Барта. Их весёлый и звонкий смех разносился далеко за пределы жилища. Охотник залюбовался матерью своих детей – светловолосая и стройная, с насмешливо вздёрнутым носиком и огромными синими глазами... Она много работала, но раздраженной и злой её никто не видел. С ней можно поговорить обо всём, она всегда всё поймет, поддержит и даст мудрый совет. Она и жена, и любимая, и лучший друг. А всего несколько лет назад... Воспоминания нахлынули на Скамбо.

Вот он, в составе боевой прусской дружины переходит через Вислу. Вот горящая Древеница... Бегут люди, звенит оружие... Тогда поход в Польшу был ответом на недружественные действия польских купцов, перехвативших обоз с товарами, предназначенный для кунигса Жемайло. Грозный воитель быстро собрал большой отряд и отправился «наводить порядок». Тогда, восемь лет назад, Скамбо впервые участвовал в набеге и пролил человеческую кровь. Он был лучником и ремесло своё справлял очень неплохо. Однажды, когда пруссы ворвались в польский город Древеница, на улицах которого начались резня и грабёж, Скамбо захватил в плен молодую польскую девушку... Хотя, сначала сам оказался в плену её глаз... Ему не было нужно ни золота, ни драгоценных камней, он просто обратил внимание на дрожащую от ужаса польку, укрыл её плащом, вытер слёзы и заглянул в лицо...

– Поедешь со мной, – сказал он ей на своём языке. – И тебя никто не тронет. Ты будешь моей женой... А здесь тебе оставаться нельзя!

Юная красавица поняла его, разглядев в его глазах не страсть, не злобу, а – участие. И покорилась. Она взяла с собой в дорогу лишь иконку Божьей матери...

Итак, Скамбо привёз польскую девушку в своё селение, и она стала его женой. Они заключили свой брачный союз возле раскидистого дуба, что растёт на окраине Лауме. Охотник позволил Анни повесить иконку в своём доме, в углу светёлки и не запрещал католичке молиться своему Богу. Но все обряды, в которых принимала участие семья Скамбо, как положено, были языческими.

А теперь у них трое детей и у Скамбо нет особого желания отправляться в очередной поход на Польшу. Всё, чего ему было надо, он уже добыл. Но, конечно, когда протрубит боевой рог...

Он верил, что раздобыл в польских землях лучшее богатство, самую ценную вещь... Да, купить жену в Пруссии не так легко, поэтому часто молодые парни идут в подобные походы не из-за денег или боевой славы, хотя это тоже немаловажно, а именно за жёнами.

Увидев жену, купающихся счастливых малюток (Мелис и Дойне исполнилось два и четыре года), Скамбо не смог сдержать улыбки.

– Когда же ты начнёшь купать меня, Анни? – задал он вопрос, щеря зубы в широкой усмешке. – А то нынче жарковато!

– Сбрасывай с себя одежду и ныряй в лохань, – в тон ему ответила жена. – Уж я устрою тебе головомойку!

Мужчина сбросил с себя льняную рубаху, обнажив могучий торс, и задёрнул плотную занавеску, отделяющую родительскую лежанку от остальных домочадцев. Через мгновение молодая женщина уже задыхалась в его жарких объятиях. Сосновые поленья в очаге пылали ярким пламенем, а кипящая смола, шипя, капала в огонь и распространяла в жилище приятный аромат...

– Как поохотился? – спросила Анни, когда страсти немного улеглись, дочерей, завёрнутых в рогожи, унесли в дом, а Барт уселся вместе с родителями за стол.

– Зайца отдал вайделоту Жолу, – ответил Скамбо. – Он найдёт подходящие слова для Перкуно и Пильвисто (14)! А с куропаткой мы с Бартом справились вдвоём! Ещё год-другой, и из него выйдет отличный стрелок!

И хотя прусским жёнам в те времена не позволялось есть за одним столом с мужем, Скамбо удержал Анни и усадил на табурет.

– Я так давно тебя не видел, – сказал он. – Почти полдня... Посиди со мной, поешь...

– Значит, наш Барт уже настоящий охотник? – улыбнулась Анни.

– Да, почти... Только, я всё время думаю, что у него – другая доля...

Глава 2. 1218 год. Встреча на Палатинском Холме

Март 1218 года в столице Священной Римской Империи выдался на удивление тёплым, в некоторые дни солнце светило настолько ярко, что даже пыталось «поджарить» открытые участки тела беспечных горожан.

Прогулки по Палатинскому холму, священному месту, расположенному вблизи Рима, считались обычным и даже модным времяпровождением знатных граждан, благодаря удивительным видам с вершины холма, возвышающимся на десятки метров над равниной. Поэтому он никогда не пустует. Воздух здесь прозрачен и чист, считается, что населяющие данную местность горожане в меньшей степени рискуют заполучить какую-нибудь болезнь, нежели те, кто живёт в низине.

27 марта, около полудня, на Палатинском холме, вблизи пещеры, где, по преданию, были найдены младенцы-близнецы Рем и Ромул, встретились два человека. Первый был папский прелат (15) Констанций, второй – похоже, обычный странствующий монах, вернувшийся из дальнего паломничества.

Констанций носил рясу и скапулярий (16), на абсолютно лысой голове – малиновая бирретта (17) с помпоном. Палатинский прелат был высок и статен, под густыми бровями прятались внимательные, прищуренные глаза, в которых угадывался искренний интерес. В руке Констанций держал корзину, в которой находился больной, а, возможно, и раненый сокол.

Собеседник прелата носил нижнюю рубашку из белой ткани, поверх неё была накинута туника из серого буре (18), к которой прикреплялся такого же цвета капюшон с пелериной и манто, на котором с левой стороны был нашит Красный Крест в память о Страстях Господних. Монах носил усы и бороду, острый нос выдавался далеко вперёд из пухлых щёк, а в больших карих глазах отчего-то затаилось беспокойство.

Оба выглядели лет на сорок с небольшим.

– Монсеньор (19), – произнёс монах, вытирая с лица обильный пот. – Мы выполнили ваше поручение. Брат Иов провёл длительное время в одной из общин интересующего вас народа, прикинувшись потерпевшим бедствие моряком...

– Благодарю тебя, брат Томаччио. Надеюсь, дикие племена отнеслись к нему благоклонно?

– В высшей степени, монсеньор.

На губах папского прелата заиграла лукавая улыбка.

– Выходит, прав был Адам Бременский, заметивший, что земли пруссов населяют «люди весьма доброжелательные», протягивающие «руку помощи тем, кто подвергся опасности на море или испытал нападение пиратов» ... Вот если бы они ещё уверовали во Христа....

– Прошу вас, монсеньор, – монах достал из-под туники свиток пергамента. – Здесь брат Иов изложил все свои наблюдения. А также нарисовал берега и обозначил удобные места для высадки десанта. К тому же, он указал потаённые тропы, по которым можно неожиданно атаковать врага... И рекомендовал начать поход вдоль течения Вислы...

– *Macte!* (20) – воскликнул Констанций, принимая свиток и разворачивая его. При этом он опустил корзину с соколом на каменистую землю. – Боюсь, что принятие этим народом христианства без кровопролития не обойдётся....

– Увы, монсеньор, – печально кивнул брат Томаччио. – Все мы прекрасно помним участь, постигшую несчастного Адальберта... (21). Тело погибшего миссионера выкупил великий князь польский Болеслав I Храбрый.

– Да-да, – чуть слышно подтвердил прелат. – И не забывай, брат Томаччио, что после Адальберта в Пруссию с той же миссией отправился архиепископ Бруно Кверфуртский. И также был убит язычниками...

Констанций развернул первый лист пергамента и углубился в чтение. Яркое солнце освещало испещрённое письменами полотно. Брат Томаччио направил взгляд влево, в южную от холма сторону, туда, где находился Большой цирк и дворец Септимия Севера (22). Затем опустил глаза и стал рассматривать большую птицу. Некоторое время палатинский прелат изучал документ, затем аккуратно его свернул. Заметив интерес монаха к соколу, Констанций обронил:

– Мой пернатый друг Фалько заболел... Видишь, брат, как часто дёргается его хвост? Это говорит о том, что у него затруднено дыхание... Поэтому, когда он дышит, то вынужден открывать клюв...

Брат Томаччио понимающе кивнул.

– Лекарь рекомендовал мне гулять с ним на солнце, чтобы птица прогрелась как следует... Хвала Господу, что он ещё принимает пищу... Если хочешь, брат, можешь покормить его... – с этими словами прелат развернул кожаный мешочек, который висел у него на поясе, и достал из него кусочек мяса.

Пока монах кормил птицу, Констанций задумчиво произнёс:

– Тот народ, который мы называем пруссами, брат Томаччио, оказывается, состоит из многих племён... Как ты думаешь, они едины? Есть ли у них... государство?

– Нет, монсеньор, – немного подумав, ответил монах. – Пруссы живут в таких землях, как Скаловия, Надровия, Самбия, Натангия, Вармия, Бартия, Помезания, Погезания, Галимбия, Судовия и... Сассовия. На каждой земле – свой народ, свои общины и они зачастую плохо понимают друг друга... Обитатели тех краёв голубоглазы, краснолицы и длинноволосы. Государства у них нет, единой армии тоже. Их племена разобщены и обескровлены междоусобицами... Но, справедливости ради, следует признать, что воины в их дружинах довольно храбрые, и вооружены они тоже хорошо.

– Тем не менее, считаю, что нашим славным рыцарям не составит труда их покорить... То есть, я хотел сказать, обратить в истинную веру... Пойдём, брат Томаччио, дальше по тропинке, и обсудим этот вопрос... – он ласково погладил сокола по голове. – Мой друг Фалько должен дышать свежим воздухом и греться на солнце... А есть ли у пруссов письменность, брат Томаччио?

– По сведениям брата Иова, таковой они не располагают, монсеньор... Они даже не ведут счёт дням, и весьма удивляются тому, что кто-то, отсутствуя, может пояснить свои намерения буквами...

– Ну, Господь вразумит их, едва они примут веру Христову...

Они продолжили движение по Палатинскому холму.

Знаменитую возвышенность украшали множество древних дворцов и других зданий. Некоторые из них уже разрушило время. В южной стороне виднелись Термы Септимия Севера, рядом расположился Стадион. Вскоре в поле зрения остались лишь стены роскошных строений...

– Всё оно, конечно, так, монсеньор, – продолжил беседу брат Томаччио. – Смею ли я надеяться, что вопрос о крестовом походе в земли пруссов будет решён в ближайшее время?

По краям тропинки росли кусты шиповника и роз, кое-где были разбиты настоящие клумбы. Тут и там возвышались античные виллы, в некоторых из них жили люди. Путники дошли до Дворца Тиберия, впереди их ждало настоящее произведение искусства – Дворец Флавиев... Казалось, здесь застыла в камне история ушедших времён...

– Брат Томаччио, разрешение на крещение пруссов было дано ещё двенадцать лет назад, папой Иннокентием III, чья булла о христианизации этих язычников практически одобрила начало крестового похода в их земли...

– Но, монсеньор, рыцари с большими надеждами взирают на юг, на Палестину...

– Ты прав, брат, – с лёгкой грустью произнёс прелат. – Но мы попробуем убедить папу, чтобы он... по значимости приравнял походы в земли пруссов к походу в Палестину... И всемогущий Господь укажет рыцарям правильный путь...

– Путь к славе! – воскликнул брат Томаччио.

– Да, брат..., – прелат вновь погладил голову больному соколу. – Милость Господа пребудет с каждым, кто отправится обращать язычников в веру Христову...

– Монсеньор, брат Иов предлагал при завоевании Пруссии, для удобства управления разделить её территорию на районы, которые следует назвать по наиболее примечательным особенностям местности...

– Он умён, твой брат Иов, – ответил Констанций, затем достал из недр своей одежды увесистый кошель. – Это тебе и ему, брат... Господь милосерден...

Брат Томаччио с удовлетворением отметил, что придорожные кусты были аккуратно подстрижены, а деревья с раскидистыми ветвями, казалось, хотят удержать путника, приобнять его и оставить в своей тени отдыхать.

Вскоре собеседники оказались перед Ипподромом Домициана.

– Значит, ты считаешь, брат, что покорение Пруссии не станет лёгкой прогулкой для наших рыцарей? Даже если удастся поднять всю знать Германии и Польши?

– Боюсь, что нет, монсеньор, – вздохнул монах.

– Есть ли у пруссов города? Укреплённые замки? – продолжал допытываться прелат.

Монах пожал плечами.

– Больших городов у них точно не имеется. Каменных домов – тоже... Есть поселения, иногда защищённые частоколом и рвом с водой...

– Как пишет брат Иов, – заметил Констанций, – земли пруссов на три четверти покрыты лесами, богатыми дичью..., но основное их занятие – земледелие...

– Это – правда, монсеньор. Пруссы выращивают рожь, ячмень, овёс, лён. Занимаются они также скотоводством и рыболовством. Разводят прежде всего лошадей... В пищу употребляют преимущественно конину, используя в качестве питья молоко кобылиц и даже их кровь, что, говорят, доводит этих людей до опьянения. Разумеется, *suum cuique*, каждому – своё. Кроме прочего, пруссы имеют крупный рогатый скот и свиней. Они – прекрасные охотники, но охота для них – не главное...

– Ты, брат Томаччио, тоже немало путешествовал, – уважительно заметил Констанций.

– Да, монсеньор. Я тоже собрал немало сведений о пруссах, но жить среди них, как брату Иову, мне не довелось... Из труда же вышеозначенного монаха вы узнаете о том, что кроме работы в поле пруссам известны и ремёсла. Они очень низко ценят золото и серебро, но давно знают железо и бронзу, из коих металлов их кузнецы мастерят добротное оружие и кольчуги...

– Как пишет тот же брат Иов, они не только мастерят, но покупают оружие или захватывают его у соседей, – добавил прелат.

– Совершенно верно, монсеньор. К пруссам приезжают купцы из Швеции и Дании, те покупают у них оружие, доспехи и соль. В обмен расплачиваются янтарём, мехами, собственными изделиями из металла и кости. Пруссы также ведут торговлю с купцами из Новгорода и Киева, они часто бывают на Руси... Сказывают, что в Новгороде даже существует Прусская улица (23).

– О, янтарь... – вздохнул Констанций. – Только ради него следует захватить земли сембов (24). – Он произнёс это достаточно тихо, брат Томаччио не услышал или сделал вид, что не услышал его реплики.

Из ближайшего монастыря вышла группа монахинь. Они учтивыми поклонами приветствовали беседующих духовных лиц.

– Мир вам, – ответил им прелат и осенил крестом.

– Как ваш сокол, монсеньор? – поинтересовался брат Томаччио, – ему, наверное, лучше?

– Да, такие прогулки действуют на него благотворно..., как искренняя молитва на истинного христианина...

Оба перекрестились.

– Брат Томаччио, – наконец, проговорил прелат, после короткого молчания. – Я, конечно, внимательно изучу переданный тобой документ, – он взмахнул рукой со свитком. – Но, поведай мне вкратце об обычаях этого народа. Не совершим ли мы роковую ошибку, объявив в те земли крестовый поход?.. Увы, Палестину мы стремительно теряем...

– Никакой ошибки быть не может, монсеньор, – отозвался брат Томаччио. – В Палестине мы воевали с сарацинами, в Пруссии – с язычниками! Вы правы, брат Иов собирал сведения как шпион, он выводывал слабые и сильные стороны пруссов, пути для наступления, данные о природных богатствах их земель... Но он мало внимания уделил пруссам как общности.... Я же изучал этот народ по сохранённым в архивах Ватикана записям, некоторые из них принадлежали английскому королю Альфреду Великому.... Я попробую вам вкратце поведать, хотя не уверен, что мой рассказ полностью удовлетворит ваше любопытство... – монах учтиво поклонился.

– Ну-ну, не будь столь щепетильным, брат... – Констанций ласково погладил сокола по спине. – Скоро и ты, друг Фалько, расправишь крылья и отправишься в поднебесье... И вновь будешь приносить нам добычу – перепелов и куропаток... Я слушаю тебя, брат...

Монах отряхнул тунику, прищурился, взглянув на солнечное небо и начал:

– Одному Господу ведомо, как пруссы оказались в этих, поистине, райских местах, посреди лесов, кишачих дичью, рек, изобилующих рыбой, и моря, богатого янтарём... Но Саксон Грамматик (25), а вместе с ним и Ибрагим ибн Якуб (26) доводят до нас, что пруссы «... живут у Мирового Океана и имеют особый язык. Они не понимают языки соседних народов и известны своей смелостью...»

– Они воюют с соседями? – предположил прелат.

– Известно, монсеньор, что прусские дружинники, возглавляемые вождями, ходят в походы на Польшу и литовские земли. И сейчас территория прусских племён простирается от устья Вислы до устья Немана.

– Занимаются ли они мореходством и пиратством? – поинтересовался Констанций.

– Брат Иов пишет, что наиболее храбрые воины пруссов ищут службу в дружинах викингов и славян... Но пиратство я тоже не исключаю...

Они спустились по крутым ступенькам, прошли по тесному переулку, где полуденное солнце не так палило, освежились водой из фонтана... Впереди показались стены Ипподрома Домициана, украшенные затейливыми скульптурами лошадей.

Брат Томаччио продолжал:

– Прусский народ можно разделить на следующие сословия. Во-первых, это – жрецы, играющее весьма значимую роль в жизни пруссов... Далее, это – знать, важные князья и зажиточные землевладельцы... Пруссы называют их «кунигсами». Затем идут «свободные люди», к которым я бы отнёс купцов, свободных крестьян и ремесленников. Ну, и... «чернь», к коей относятся все зависимые люди и рабы... В семьях же абсолютным главой является мужчина, жену себе он покупает и потом рассматривает как собственность. Наследование тоже идёт только по мужской линии...

Папский прелат многозначительно кивнул.

– Обычно, – продолжал монах, – именно кунигсы затевают грабительские набеги на Польшу и других соседей. Для таких походов прусские дружины объединяются под началом одного наиболее уважаемого кунигса, но, должен повторить, монсеньор, что у пруссов нет ни единого государства, ни единой армии... Каждая прусская земля управляется советом знати, в который входят представители особо могущественных родов.

Верховный жрец у пруссов носит прозвище «Криве-Кривайтис» менно с ним пруссы связывают свои военные успехи! Резиденция Криве находится в Ромове (27), а сейчас эту... должность занимает прусский жрец по имени Бойтонор...

– Всех жрецов, видимо, придётся уничтожить, – сквозь зубы процедил папский прелат, не переставая поглаживать сокола.

– На всё – воля Господа, – согласился с ним брат Томаччио.

– Продолжай, брат, – промолвил прелат. – Твой рассказ довольно интересен.

Монах вздохнул, благодарно поклонился, и продолжил:

– У пруссов совершенно иные представления о жизни и смерти. Своих мёртвых они сначала «кормят», а потом сжигают в специальных святилищах, при этом не должно оставаться ни одной целой косточки. Загробный мир представляется им зеркальным отражением мира живого, в него они следуют с тем обрядовым инвентарем и сопроводительными жертвами, которые попали в погребальный костер. С умершей знатью сжигается их оружие, кони и слуги, одежда, охотничьи собаки, ловчие птицы и прочее имущество, относящееся к военному делу. С простолюдинами – предаётся огню то, что относилось к их земному занятию. Да, пруссы очень почитают огонь... В некоторых городищах Пруссии в праздник летнего солнцестояния зажигаются большие и маленькие костры. А вообще эти люди весьма дорожат своими святилищами. Они запрещают христианам приближаться к их священным рощам и источникам, ибо считают, что те становятся нечистыми от приближения тех, кто почитает Христа. Сами же они чтят не Господа, но Природу, монсеньор, а именно – солнце, луну и звёзды, гром, птиц и животных, включая даже жаб...

– Пресвятая Дева... – осенил себя крестом прелат.

– Есть у них и особо почитаемые деревья, – продолжал монах, – чаще всего таковыми считаются старые липы и дубы: с наростами, дуплами, выступающими из-под земли корнями или расщепленными стволами, а также имеющие два или три ствола, исходящих из одного корня. Между стволами таких деревьев пролезают больные, сквозь них проносят детей в надежде на выздоровление. Порой они даже «кормят» их человеческой едой... Поклоняются пруссы и камням, видя в них опору и символ мировой горы. Особо почитаемы камни, возвышавшиеся из воды – на реке или протоке. У таких священных скал совершаются поминальные и охранительные ритуалы. А самые нерушимые клятвы они дают близ водоёмов. Водой также испытывают на суде, с помощью её гадают о будущем и лечат хворых. Имеются множество священных лесов, полей и рек, и они не осмеливаются в них рубить деревья, пахать или ловить рыбу...

– Именно в такую рощу и забрёл несчастный Адальберт..., – прелат перекрестился. – Да хранит его душу всемогущий Господь...

Со стороны базилики Максенция и Константина раздался мелодичный колокольный звон.

– Пойдём обратно, брат Томаччо, – вдруг спохватился прелат. – Нас ждёт обед – мясо, овощи и вино... Поспешим же в лоно нашей церкви.

Монах согласно кивнул.

– Сведения же о тактических действиях пруссов во время битв, – добавил он, – вы найдёте в свитке, который я передал вам. Там сказано, как они штурмуют крепости, как разворачивают свои боевые отряды, как атакуют и защищаются, как действуют в пешем строю и на конях...

– Да хранит Пресвятая Дева всех, кто приложил руку к тому, чтобы новый крестовый поход, в земли пруссов, принёс больше славы, чем разочарований...

Глава 3. 1229 год. Рыцарь и оруженосец

Пятый Крестовый поход, начавшийся в 1217 году с благословения папы Гонория III, имел своей целью помощь восточным христианам, которые, будучи ослабленные междоусобицами, не могли противостоять сарацинам. Десятки тысяч рыцарей, кнехтов и священников отправились в Святую землю, не подозревая о том, что этот поход закончится для них полным провалом.

Но основные усилия предводители сей экспедиции всё же решили направить на завоевание Египта, надеясь нанести удар в самое сердце исламского мира. «Ключом» к стране являлся город Дамиетта, богато снабжённый провиантом и окружённый двойным рядом каменных стен. Непрístupные башни, гавань, перекрытая цепями, а также отсутствие штурмовых орудий, единства в боевых действиях, общего управления и необходимой дисциплины стали причинами неудач крестоносцев и больших потерь в их рядах.

После двух лет стычек с сарацинами, в которых чаще побеждали сторонники ислама, причём, дважды те просили у христиан перемирия, мало того, даже обещали вернуть Иерусалим, никаких весомых побед у крестоносцев не было. Дамиетту так и не удалось взять окончательно. Часть армии возвратилась в Европу разочарованной, среди них – предводитель похода венгерский король Андраш.

Тем не менее, Дамиетта, казалось, вот-вот будет взята. Крестоносцы осадили город и даже, для связи с основными силами построили мост через Нил.

Весной 1219 года каирский и дамаский султаны приблизились к обречённому городу. Между ними и христианами начались столкновения, в которых крестоносцы, в основном, терпели поражения. Известно, что по поводу этих неудач в их войске нередко происходили споры между конницей и пехотой о том, кто же виноват в проигрышах.

Наконец, 5 ноября 1219 г. Дамиетта, доведённая до крайности голодом, сдалась. Христиане ворвались в город и предались грабежам, вместо того, чтобы ударить по армии каирского султана. Они были опьянены успехом и богатой добычей. Воспользовавшись этим, сарацины захватили мост через Нил.

Летом 1221 года крестоносцы двинулись против каирского султана, отклонив его очередное предложение о перемирии. Однако на сей раз их действиями руководил папский легат (28) Пелагий, который не торопился покидать Дамиетту. Действительно, Гроб Господень подождёт, а вот сокровища богатого города ждать не могут. В армии вновь возникли противоречия. Значительная часть крестоносцев, не согласная с папским легатом, оставила её ряды.

Очередной удар по участникам Крестового похода нанёс старина Нил, воды которого стали заливать прибрежное пространство. Сарацины, обнаружив значительное прибывание воды в реке, поторопились открыть шлюзы и разрушили плотины. Воды великого Нила затопили лагерь христианской армии.

Ситуация тут же резко изменилась. Поскольку в рядах христиан появилось много больных оспой и у них совсем не осталось продовольствия, теперь они были вынуждены просить перемирия у мусульман. Сарацины проявили великодушие и дали крестоносцам возможность свободно уйти в Палестину. В августе 1221 года те покинули Египет.

Так бесславно закончился этот поход.

Шестой Крестовый поход начался в 1228 году. Император Священной Римской империи Фридрих II решил на него под давлением Папы Римского Григория IX, угрожавшего тому отлучением от Церкви. Дипломатическое искусство рыцарей позволило без крупных сражений добиться от султана Египта уступок. По договору, заключённому в Яффе 18 февраля 1229 года, удалось вернуть Иерусалимскому королевству ранее утраченные земли.

Главнейшую роль в успехе Фридриха в Шестом Крестовом походе сыграл Тевтонский Орден (29). Его полное латинское название – «Ordo domus Sanctae Mariae Teutonicorum» («Орден дома святой Марии Тевтонской»), немецкое – «Deutscher Order» – «Немецкий орден». Покровитель: Дева Мария, Георгий Победоносец, Святая Елизавета Тюрингская. Девиз: Помогать – Защищать – Исцелять) и его гроссмейстер Герман фон Зальца (30).

В Палестине воцарился более или менее прочный мир.

Однако ещё в 1220 году, в Верхней Галилее (31), произошла финансовая сделка – были проданы принадлежавшие французам земли. Их приобрёл Орден Тевтонских Рыцарей.

Войском тевтонцев руководил Великий магистр Герман фон Зальца, все четыре года принимавший участие в Пятом Крестовом походе. Это был славный рыцарь и настоящий вождь. За короткое время (с 1210 года) ему удалось поднять боеспособность Ордена и завоевать доверие Папы Римского, а также императора Священной Римской империи. Именно при нём Орден превратился в могущественную военную организацию.

Если ранее в этих землях были расположены фермерские угодья под названием Монфор, то, с передачей их Тевтонскому ордену, на них начали строиться укрепления. Дело в том, что тевтонцам срочно требовалась обособленная от других Орденов резиденция. Из-за внутренних конфликтов с тамплиерами и госпитальерами немецкие рыцари были вынуждены оставить Акко и теперь остро нуждались в собственной территории. Именно Герман фон Зальца обратился к Папе Римскому с этой просьбой и тот милостиво оказал рыцарю большую финансовую поддержку для строительства крепости. Тевтонцы полностью перестроили усадьбу, превратив её в мощную крепость с двумя линиями оборонительных сооружений, а также дали ей свое имя – Штаркенберг (32). Таким образом, вскоре на месте бывшего фермерского угодья возникла внушительная цитадель. В 1229 году в неё были перевезены архив и сокровищница Ордена.

Крепость Штаркенберг, которую иногда по-прежнему называли «Монфор», возвышалась на узком гребне, выступающем из массивного холма. Её защита была сосредоточена с наиболее уязвимой восточной стороны, там, где высокие стены соединялись с холмом. С внешней стороны перед крепостью были выкопаны два рва перед двумя большими башнями. Вход в крепость находился на другой, западной стороне, где стояла меньшая по размеру въездная башня.

23 декабря 1229 года внутри крепости, на вершине хребта, там, где расположились жилые постройки, встретились два воина. Были они довольно молоды, но, чувствовалось, что оба прошли сотни миль в составе войска крестоносцев, и побывали в настоящих сражениях.

Оба были одеты примерно одинаково – в серые монастырские кафтаны, такие же серые куртки «якке» и дорожные плащи-рейнмантели с капюшонами, оба имели чёрные орденские кресты на груди и спине. Но по осанке и жестам, по едва заметным (с беглого взгляда) деталям, можно было определить, что один из них, высокий, светловолосый и широкоплечий парень – дворянин, а другой, темноволосый и коренастый – простолюдин, обычный кнехт.

Свежий ветер обдувал юные лица. Иногда его порывы со стороны моря заставляли обоих плотнее закрываться плащами, хотя в этих землях зима была достаточно мягкой.

– Господин, – обратился темноволосый кнехт к собеседнику. – Ты хотел мне сообщить нечто важное?

– Да, брат Йозеф. Только не называй меня господином. Мы здесь все братья и члены одного великого Ордена. Кроме того, твоя матушка была моей кормилицей, поэтому мы с тобой ещё – молочные братья. И я помню это.

– Да, брат Ансельф. Наша семья всегда ощущала поддержку со стороны барона Грюнфельда, твоего отца.

– Поэтому, брат Йозеф, я пригласил тебя на серьёзный разговор, – Ансельф понизил голос. – На Рождество намечена церемония... Короче, меня опояшут мечом...

– Тебя посвятят в рыцари, брат Ансельф, – понятиливо кивнул Йозеф. – И это будет правильно, клянусь Гробом Господним!

– А рыцарю нужен верный оруженосец, брат Йозеф. Поэтому я хочу спросить тебя, согласен ли ты им стать? Желаешь ли сопровождать меня во всех походах, подавать оружие во время сражений и следить за конём? Согласен ли делить со мной все тяготы и лишения жизни рыцаря, одного из братьев Тевтонского ордена? Участвовать в сражениях и путешествиях, выполнять важные миссии, помогать своему рыцарю во всех его делах?

– Я доказал свою преданность и верность Ордену, а также его Великому Магистру, – ответил кнехт. – И далее готов служить...

– Ты не понял меня, брат, – перебил собеседника дамуазо (33). – Мне нужен не слуга, а боевой товарищ, кому бы я мог доверить собственные тайны и на которого мог бы полностью положиться... Поэтому я выбрал тебя, мой молочный брат... И мне важно твоё искреннее согласие, а не по долгу службы... *Ex aequo et bono* – (34)

Кнехт широко улыбнулся и, не торопясь с ответом, взглянул в сторону нескольких братьев-сариантов, упражняющихся мечами. С западного входа в крепость въехала телега, гружённая мешками с овсом и тюками с иным продовольствием, которые слуги тотчас принялись перетаскивать в амбар.

Со стороны северной оборонительной стены, там, где был расположен спуск к ручью, появился священник. Брат Октавий являлся духовником Ансельфа, он носил чёрную «трехрогую» шапочку-боннету, чёрный «кукулл» (35) и белый плащ с воротником, но без рукавов. На шее висел чёрный лапчатый латинский орденский крест с серебряной каймой. Обут брат-священник был в чёрные башмаки с металлическими пряжками.

Одурловатое лицо Октавия покраснелось, видимо, подъём от ручья дался ему нелегко. Было ему около шестидесяти, под густыми бровями поблёскивали слезящиеся глаза, а уголки рта были опущены вниз. Направлялся он к двум беседующим молодым людям. Походка его была тяжёлой и усталой.

– Брат Ансельф, – воскликнул священник, – Готов ли ты к предстоящей церемонии посвящения в рыцари во имя Пресвятой Девы Марии? Или решил навсегда оставаться оруженосцем у славного рыцаря Густава Блазее по прозвищу Хромой?

Брат Ансельф вежливо поклонился.

– Брат Октавий, на протяжении последних двух лет многие отговаривали меня от такого шага, интересовались, действительно ли я хочу стать рыцарем, не запятнаю ли я малодушием, изменой или вероломством чести крестоносцев... Но на все вопросы я неуклонно отвечал, что принял решение стать рыцарем осознанно. Я с великим усердием буду носить это звание. Моё желание – посвятить свою жизнь служению Ордену дома святой Марии Тевтонской и Господу Богу всецело.

– Осведомлены ли Члены Ордена, которые опрашивали тебя, в том, что ты принимаешь данное решение взвешенно, со всей ответственностью и долгом?

– Клянусь именем Господа нашего! Я – свободный человек, сын рыцаря из знатного рода, почитаемого в маркграфстве Штирия и в других владениях Филиппа II. Я ни разу не отступал перед лицом смерти, крепко стоял за Веру в Господа и правое дело! – отвечал брат Ансельф.

Священник Октавий слушал и благосклонно кивал головой. Взгляд его блуждал то по одежде светловолосого парня, то уходил куда-то вдаль, за крепостные стены.

– Я принес Ордену обет безбрачия, бедности и послушания, – продолжал молодой оруженосец. – С этого начался мой испытательный срок... – голос его был твёрд, а взглядом он, казалось, мог зажечь сброшенные возле орденского госпиталя дрова. – Моё тело и дух претерпели все тяготы, которые ожидают меня в грядущем на службе Ордена. За последние полгода

испытаний я не только не передумал... или разуверился в своих намерениях, но и укрепился в решении, что должен стать частью Ордена и что моё истинное предназначение – это помощь, защита и исцеление!

– Ну, что ж... – промолвил духовник. – Всем известно, что ты не боишься смерти, крепок в мыслях и бесстрашен в поступках... А есть ли у тебя средства для приобретения коней, доспехов и оружия, необходимых рыцарю? – прищурившись, задал он свой очередной важный вопрос.

– У меня есть два боевых коня, доспехи и оружие. Хвала Пресвятой Деве Марии, мне помог мой отец, барон Адам фон Грюнфельд!

– Прекрасно. Имеется ли у тебя верный оруженосец?

Брат Ансельф сделал паузу.

– Как раз сейчас я предложил стать им кнехту Йозефу...

– Я согласен! – тотчас ответил тот. – Я буду рад служить оруженосцем у рыцаря Ансельфа фон Грюнфельда! И да поможет нам Пресвятая Дева Мария!

– Я рад слышать это, братья, – священник положил руку на плечо дамуазо. – Твоё посвящение приурочено к Рождеству Иисуса Христа. Знаком ли ты с обрядом посвящения?

– Знаком, брат Октавий.

– Тогда следуй всем ритуалам обряда, и да поможет тебе Господь...

Накануне обряда посвящения в рыцари, оруженосец Густава Хромого посетил небольшую крепостную церковь, где покаялся в своих прегрешениях перед Господом, ради служения которому он вступал в могущественный Орден рыцарей-крестоносцев, после чего, как и должно всякому христианину, причастился Крови и Тела Христова. Затем он отстоял ночную мессу, а также мессу на заре, и вскоре был полностью готов принять рыцарское одеяние с нашитым чёрным Крестом.

Обряд проводили в зале для собраний, расположенном внутри цитадели, в «орденском доме» с двумя колоннами, пристроенному непосредственно к трапезной. Наступило рождественское утро.

Много рыцарей, находящихся в Штаркенберге, за исключением тех, кто выполнял особые обязанности по защите крепостных стен, присутствовали на этом мероприятии. Был тут и рыцарь Густав Хромой Блаузее, и гроза сарацинов барон фон Вольф, и рыцарь Гогенблом, могучий гигант, излюбленным оружием которого был двуручный меч, и многие другие братья. Кроме них, конечно, пришло немало братьев-сариантов и братьев-священников. Тесное помещение было полностью заполнено.

У стены, опоясанный мечом, стоял великий комтур Тевтонского ордена Лутольфус, управитель орденского имущества, интендант и эконо́м, замещавший Верховного Магистра во время длительного отсутствия последнего. Подле него находился тучный верховный маршал и главный военачальник Ордена Гюнтер фон Вюллерслебен. В 1215 году он уже воевал в Акре среди братьев Ордена. Маршал был близким другом Германа фон Зальца, и ему надлежало принимать участие в различных тайных дипломатических миссиях Ордена. Тут же стоял верховный госпитальер, руководитель больниц, странноприимных домов и постоялых дворов Ордена, верховный ризничий, отвечающий за приобретение, изготовление и распределение амуниции и вооружения, а также тресслер в чьём ведении были все вопросы финансового управления. Здесь же собрался рыцарский Совет, состоящий из двенадцати рыцарей.

Практически, тут присутствовал Генеральный капитул Тевтонского ордена (36).

Единственное, кого не хватало здесь, так это самого Великого Магистра ордена – славного Германа фон Зальца, убывшего в Рим.

Все братья были сосредоточены и немногословны. На стенах горели факелы, освещая собравшихся. Несмотря на тесноту, в зале было отведено место для главного действия – посвящению в рыцари одного из достойнейших братьев Ордена.

Как повелось, сначала выслушали кандидата в рыцари. Накануне тот выкупался в ванне, надел белую рубашку, алое сюрко, коричневый шосс и золотые шпоры. Свои светлые, слегка выющиеся длинные волосы он аккуратно расчесал костяным гребнем.

Юноше пришлось, не покривив душой, пять раз ответить «нет» на вопросы: «Не являешься ли ты членом другого ордена?», «Не женат ли ты?», «Нет ли у тебя скрытых физических недостатков?», «Не должник ли ты?», «Не крепостной ли ты?» Затем он пять раз подряд сказал своё «да» на обращения: «Готов ли ты сражаться в Палестине?», «Готов ли сражаться в других странах?», «Готов ли ты заботиться о недужных?», «Готов ли по приказу выполнять то, что умеешь?» и «Готов ли ты соблюдать Устав Ордена?» После соблюдения этого ритуала, настал черёд произнести клятву-обет.

– Долгое время я вынашивал в своем сердце заветную мечту. Я хотел посвятить свою жизнь и весь свой талант Тевтонскому ордену, – произнёс голосом, соответствующим торжественной обстановке, Ансельф фон Грюнфельд. – Наступил радостный праздник Рождества и очень важный для меня день, ведь именно сегодня я, наконец, удостоюсь чести называться рыцарем! Я преклоняю свои колени перед алтарём и устремляю свой взор, исполненный благоговением и благодарностью к Господу и Святой Деве Марии. Перед магистром Тевтонского ордена, перед его преемниками, а также перед своими братьями по Ордену я даю обет целомудрия, послушания и нестяжания и клянусь всецело посвятить свою жизнь Господу, чтобы приумножить честь и славу рыцарского Ордена! – благородная душа Ансельфа была готова извергнуться наружу как вулкан...

После торжественной клятвы Густав Хромой собственноручно опоясал мечом Ансельфа Грюнфельда, а в память о данных обетах он наградил бывшего оруженосца поцелуем и тут же, согласно ритуалу, дал ему пощёчину, дабы тот не забывал о возложенной на него ответственности и дарованной чести быть рыцарем Ордена.

Далее напутственное слово сказал великий комтур Тевтонского ордена Лутольфус:

– Отныне ты, Ансельф фон Грюнфельд, обязан ежедневно не менее пяти часов проводить в молитвах и сто двадцать дней в году соблюдать строжайший пост, вкушая пищу лишь один раз в сутки. Теперь тебе запрещаются турниры и охота, а за клевету и ложь, нарушение поста и рукоприкладство по отношению к мирянину, будешь подвержен наказаниям, в том числе и телесным. Самой серьёзной карой может стать лишение тебя права носить отличительный знак брата Ордена – белый плащ с черным крестом и отправка на тяжелую работу вместе с рабами...

После этого юный Ансельф облачился в благословенное Богом одеяние Ордена с Крестом. С этого момента он перестал быть оруженосцем, став равней для всех рыцарей-тевтонцев.

Братья-священники затянули гимн «Te Deum laudamus» (37). После акколады (38), как было заведено, братья предались пиру, на котором присутствовали самые разнообразные яства и вина.

Вечером, когда последние лучи солнца заигрывали в вышине с облаками, а на землю Палестины опустилась синеватая завеса сумерек, новоиспечённый рыцарь вышел на свежий воздух из душного зала и едва не столкнулся нос к носу со своим новым оруженосцем.

– Брат Ансельф, – воскликнул тот. – Жду твоих приказов как верный оруженосец! Надеюсь, нам не придётся торчать в этом вонючем замке всю зиму?

Друг детства, Йозеф обладал весёлым и энергичным нравом. Он не лез за словом в карман, а частенько и «крепкое» словечко в свои обороты мог вставить...

– Тебе не терпится совершить подвиг, брат? – улыбнулся рыцарь.

– Сказать по правде, безделье вредит доброму христианину больше, чем любой другой грех.

– Ты прав, брат. Поэтому спешу тебя обрадовать. Скоро мы направимся в Пруссию...

– Пресвятая Дева... Где это?

– На севере. Там сейчас снег... Это – воистину край земли!

– И что мы станем там делать? – растерялся брат Йозеф.

– Воевать с пруссами. Они – язычники, а мы принесём им Христову Веру...

– Это будет Крестовый поход?

– Да, брат Йозеф. Причём, объявлен он был уже давно, но только сейчас мы приступаем к активным действиям... И я догадываюсь, отчего...

– Отчего же?

– То, о чём я тебе сейчас поведаю, не должен знать никто больше...

– Клянусь всеми Святыми!

– Так слушай же... Ещё в 1206 году римский папа заявил о необходимости крестить пруссов. С тех пор мы трижды ходили в Крестовые походы, но ни разу в земли пруссов. А вот сейчас... Появились сведения, что у них, у пруссов, хранится... Ковчег Завета (39)!

– Как? – раскрыл рот от удивления брат Йозеф. – Тот самый?

– Несомненно.

– Но как он к ним попал?

– В одном из Крестовых походов принимали участие польские рыцари. Возможно, ты помнишь о подвигах Конрада Безумного?

– Конечно, о нём было сложено немало баллад...

– Так вот... Или он сам, или кто-то из его соратников завладел Ковчегом. И, посчитав его за обычный военный трофей, решил присвоить себе.

Брат Йозеф слушал, раскрыв рот.

– Но, похоже, потом он решил продать его шведам, поэтому решил пробираться к морю. Понятно, с таким грузом ехать по христианским странам опасно, поэтому Конрад или кто-то из его соратников выбрал путь через земли пруссов... Видимо, те и напали на крестоносцев. А поскольку Ковчег защищали неистово, пруссы сочли его большой ценностью... И захватили... Потом увезли куда-то в свои земли. А теперь нам предстоит его отыскать и вернуть в лоно Католической Церкви...

– Откуда такие сведения, брат Ансельф?

– Кое о чём мне поведал наш маршал, Гюнтер фон Вюллерслебен. А у него есть данные о том, что в землях пруссов давно живёт римский шпион, который готовит почву для нас, крестоносцев, когда мы нападём на Пруссию... Кстати, походы в Пруссию уже начались, а на завоеванных землях правит ландмейстера Герман фон Балк. Тот из рыцарей, кто освободит Ковчег Завета, брат Йозеф, прославит своё имя в веках!

Глава 4. 1230 год. Весна в Самбии

«Мой высокородный господин!

Много лет назад с неудержимым рвением и усердием принялся я выполнять твоё поручение, одобренное и благословлённое Его Святейшеством, – поселиться среди диких язычников сембов, изучать их обычаи, воинское искусство и разведывать пути достижения скорейшей победы над ними Войску Христовому, как только оно войдёт в эти земли.

Твой верный слуга притворился то странствующим монахом, то купцом, то врачом, но не находил должного отклика в душе местных жителей. И только тогда, когда я, по наитию, вызванному проникновенным словом Господа, назвался моряком, которого постигла беда в море, ко мне проявили необычайное участие, дали кров и пищу. С тех пор я живу здесь, и стал практически своим, что заметно облегчило мне условия выполнения твоего высочайшего повеления – готовить почву для братьев, которые принесут сюда слово Божье и католический Крест.

Шлю тебе уже шестое письмо и надеюсь, что оно найдёт в твоей душе такой же радушный отклик, как пять предыдущих, и придаст твоему слуге уверенность, что моя жизнь среди невежественных язычников не проходит напрасно.

Я весьма опечален неудачами воинов Христа, кои те потерпели в землях Натангии. Не стоит забывать, что пруссы – весьма умелые воины и вооружение их не уступает по качеству французскому или испанскому, ибо они издавна покупают его в западных пределах, а также у славян (на Руси) или захватывают в боях. Сейчас у них в ходу мечи нижнерейнского производства, что является и военной добычей, и результатом оживлённой торговли. Смею заметить также, что мастерство местных кузнецов позволяет им самим ковать подобное оружие и доспехи...

Больших и мощных крепостей у пруссов не было и нет, имеются только небольшие укреплённые остроги, захватить которые не составит труда. Расположение оных я изобразил на прилагаемом к письму плане. Там же я осмелился начертить путь по болоту, считающемуся среди местных жителей непроходимым. Эта тайная тропа известна лишь охотникам. Её я изобразил красными чернилами. Если для тяжеловооружённой конницы она может оказаться непригодной, то легкая пехота пройдёт по ней без труда.

Смею предположить, что, даже если воинство Христово вытеснит пруссов в дремучие леса, те и оттуда будут наносить удары. Посему, на каждом завоёванном участке земли, на расстоянии одного дневного перехода должны возводиться замок или крепость, а вокруг них – каменные постройки для христиан, возжелавших заселить эту благословенную местность.

По моим наблюдениям у каждого племени пруссов имеется по несколько тысяч конницы и пеших воинов. Так, например, многонаселённая Самбия имеет четыре тысячи конников и до сорока тысяч пеших воинов. А богатые и сильные Судовы (40) могут выставить ещё больше воителей. Но племена пруссов разрозненны, а их непримиримые вожди постоянно воюют друг с другом, и этим мы должны непременно воспользоваться.

Позволю себе и следующее предположение. По моим наблюдениям, в войске пруссов не существует ни строя, ни боевых порядков. Они нападают толпой, словно викинги. В основном, дружиной во главе с предводителем. Если численность позволяет – они сразу окружают неприятеля. Если нет, то предпочитают набрасываться из засады. Особо они опасны в лесистой местности, где для своей выгоды стараются использовать каждый куст, каждую ветку... Осмеюсь напомнить, что в 1222 году польский князь Владислав отправился с сильным войском на пруссов. Как мы помним, это войско бесследно исчезло в лесах Надровии (41).

Ежели Святая церковь сочтёт своим долгом обратить сембов (как, впрочем, и другие народы пруссов) в Христову веру, то позволю себе предположить, что занятие сие будет

чрезвычайно сложным и опасным, поскольку язычники хранят верность своим богам. Они чтут семнадцать заповедей, оставленных пруссам их древним вождём Видевуто (42): «...Мы должны испытывать перед нашими Богами страх и почтение. Ибо они дали нам в этой жизни красивых женщин, много детей, хорошую еду, сладкие напитки, летом – белую одежду, зимой – теплые кафтаны, и мы будем спать на больших мягких постелях»...

Посему, веру в своих богов у пруссов следует искоренять нещадно, а жрецов-вайделотов – лучше сразу уничтожать.

Остаюсь преданным тебе слугой и послушным рабом Господа,
Брат Иов».

К селению Килькенинкайм весна подобралась незаметно, словно прокралась тайком, прячась за ветви деревьев и приземистые деревенские строения. Кажется, ещё вчера в здешних лесах трещали морозы, и сыпал снег, а вот сейчас, взгляни – уже тут и там чернеют проталины, звонко переговариваясь, бегут ручейки. С каждым днём солнце светит всё ярче, обогревая просыпающуюся от зимнего сна землю. Казалось, сами прусские Боги Потримпо и Пергрубиус спустились на здешние луга, и не спеша прогуливаются по влажной почве, слушая птичье пение.

Хотя, начало весны – такое дело, это вам скажет всякий житель Самбии, – сегодня солнышко припекает, а завтра опять задуют колючие ветра, и посыплет снежная крупа. Да и в течение дня погода может измениться несколько раз...

Пока до посевных работ далеко, но хозяева уже готовят снаряжение для выхода в поле. Уж что-что, а плуг или соха у каждого должны быть в порядке и готовы к делу!

Селение состояло из двух десятков домов разных размеров. Самый маленький сруб с уложенными под нижний венец камнями принадлежал одинокому рыбаку Саитусу – всего три на четыре шага длины. А вот у купца Жмогуна, у которого три сына завели собственные семьи, но не стали уезжать из отчего дома, а пристроили к нему свои жилища, дом разросся в размерах и стал напоминать крепость, расположенную у холма Виделау. Такое жилище уже не обойти за несколько шагов. Дым из его четырёх труб весело струился в весеннее небо.

Со стороны Житенского леса через широкие ворота в частоколе, в селение Килькенинкайм не спеша вошёл человек необычной внешности. «Необычность» эта заключалась не только в одежде – на нём, поверх светлой полотняной рубахи, украшенной внизу кистями из бычьих хвостов, была накинута медвежья шкура, а самом его виде. Это был детина огромного роста с широченными плечами. Становилось ясно, что медведя, чья шкура согревала его, он добыл сам. За плечами у великана висела котомка, а в руке он держал посох, каким, при желании, можно было переломить хребет лосю. Правда, ни рыжая борода, ни копна густых волос, схваченная повязанной вокруг головы лентой, ни насупленные брови, ни полная достоинства поступь не могли скрыть, что этот молодец – ещё довольно юн. Казалось, сам бог Потримпо спустился с небес, однако, тот, по рассказам, был безбород, да и передвигался на белом коне...

Примечательный путник вошёл в селение солнечным днём, когда местный люд уже давно занимался домашней работой. Дверь в кузню, расположенную с краю селения, была распахнута, а подле неё находился крепкий мужчина, вытирающий раскрасневшееся лицо остатками снега.

– Доброго здоровья тебе, Лашенай! – обратился к кузнецу великан. – Как твоя спина? Помогли тебе мои травы?

– И ты здравствуй, – ответил тот. – Хвала Богам, травы твои подействовали! Кто бы мог подумать, что простые ольховые шишки способны так лечить?

– Там не только шишки, но и сок толстянки... Продолжай натирать спину до той поры, пока весь снег не сойдёт... Если моё зелье закончится, приходи к Лишайному камню, я тебе ещё дам.

– Да отблагодарят тебя Боги за твою доброту, Барт Локис! Я уже не чувствую боли, когда нагибаюсь, а скоро вообще, начну работать в кузне с прежней силой... Гляди, – Лашенай нырнул в полутёмную кузницу и вскоре вышел оттуда, держа в руках блестящий металлический шлем. – Это принёс мне наш рикис (43) Майжо, а ему посоветовал сам Криве...

Барт повертел в руках доспех «брата-рыцаря» Тевтонского ордена. Это был клёпанный шлем с наносником, защищавшим в бою лицо воина от ранений. Внутри находился кожаный подшлемник, стёганный суконной шапочкой, смягчающей удары.

– Выходит, враг приближается к нашим землям? – печально проговорил Локис.

– Да, друг мой. Рыцари-тевтоны позарились на наши земли и намереваются осквернить веру в наших Богов... Но мы не собираемся кланяться им, мы будем сражаться... Поэтому у меня сейчас много заказов на оружие. Нужны шлемы, длинные кольчуги с рукавами, металлические наколенники... Нужны щиты, мечи и боевые топоры. Ведь, к шлему понадобятся прочные кожаные завязки. Щит, если его изготовить из крепких дубовых досок, надо обтянуть толстой кожей и обить стальным ободом. А к нему также нужны кожаные ремни, позволявшие удерживать его либо на руке, либо на плече...

– А ещё нужно ковать наконечники для стрел и копий... – мрачно добавил Барт.

– Да, друг мой... А тут, так некстати... спина... Но, благодаря Богам и твоему умению, она стала гораздо лучше... Ты – настоящий вайделот, Барт Локис, настоящий «знающий»...

– Да уж, – согласился великан. – Столько зим, сколько пальцев на обеих руках, находился я на обучении у жреца Жола. Меня, совсем маленьким парнишкой, к нему отвёл мой отец... А когда я постиг ремесло знахаря, меня возвели в ранг вайделота. Для этого нам со жрецом пришлось ехать в Ромове, к самому Криве-Кривайто...

– Ты хоть и молод, Барт, – усмехнулся кузнец, – но достаточно учён... Да и статью тебя не обидели Боги! Взял бы я тебя в свою кузницу, был бы из тебя замечательный помощник... Да, боюсь, ты своей головой проломишь мне потолок! – и захохотал.

На губах Барта тоже заиграла улыбка.

– Не зря ведь люди дали тебе прозвище «Локис»! – смеясь, продолжал Лашенай. – На некоторых наречиях это означает «медведь»! Даже я, уж на что крепкий парень, не стал бы с тобой бороться! Ты же любого раздавишь, словно муху!

– Силушкой Боги меня не обидели, – согласился с кузнецом Барт. – Но я, пожалуй, пойду. Грустные известия я от тебя получил, друг мой. Всем нам Боги готовят серьёзное испытание...

– Ничего, Локис. Ходили к нам князя из Польши, ходили и мы к ним... Справимся и с тевтонцами!

Они простились, и Барт продолжил свой путь по Килькенинкайму. Попадающиеся ему по дороге мальчишки боязливо обегали его, поскольку, страх и почтение перед вайделотом, особенно, таким огромным и страшным, прочно сидел в сердцах ребятишек. Жители селения, почтительно приветствовали «знающего». Много доброго сделал он для них: и хворобу прогонит, и добрых духов приманит, а иного задиру и приструнит – вон, силища-то какая в руках!

Не доходя двух строений до обширного дома купца Жмогуна, Барту повстречалась сгорбленная, как сухой корень, старушка Линси, ухаживающая за лошадьми табунщика Стотиса. Тот давал пожилой женщине в качестве платы муку и мясо, он был доволен, как пожилая женщина разговаривает с его лошадьми и те, во что он искренне верил, отвечают ей.

– Здравствуй, матушка Линси! – приветливо поздоровался Барт со старушкой. – Прибавилось ли в конюшне Стотиса белых лошадей? (44)

– Хвала Окопримсу, белых лошадей стало больше... Как твои дела, Барт Локис? – старушка заметно оживилась при виде бравого знахаря. – Ты всё живёшь в лесной чаще, в сто-

роне от людей? Уж не думаешь ли ты там найти себе невесту? Тебе пора обзаводиться семьёй, вайделот! Ты не думал об этом?

– Как мои снадобья, матушка? Помогли ли они тебе от головной боли?

– Как не помогли, милый? Конечно, помогли! – старушка улыбнулась. – И боли прошли, и глаза стали лучше видеть. Ты – настоящий чудесник, Барт из глухого леса...

– Держи мешочек с чередой, если боли повторятся, заваришь, сделаешь настой, и будешь пить по глотку перед сном! – ведун достал из котомки снадобье. – А насчёт семьи я, конечно, думал. Как не вспомнить о ней, когда к нам вновь вернулась весна?

– Ну, такому богатырю, как ты, и невеста, наверное, нужна особенная? – усмехнулась старушка. В её глазах мелькнула хитринка. – А то я подсказала бы тебе двор, в который можно заглянуть... Редкий хозяин откажется отдать тебе в жёны свою дочь...

– Особенная? Ну, что ты, матушка... А невесту я себе найду, вот проведу своих отца и мать, да и пойду искать...

– Да помогут тебе Боги, Барт Локис!

Да, всё так и было. Десять лет назад отец Барта, Скамбо, внимательно посмотрев в глаза сыну, произнёс:

– Не получится из тебя охотник, Барт. Стрелять ты, конечно, научишься, да и держать в руках копьё сумеешь... Но, я вижу, как тяжело ты переносишь смерть животных и птиц... Да и боль каждой твари чувствуешь, как свою собственную. Пожалуй, отведу я тебя к жрецу Жолу, пусть он займётся твоим обучением... Глядишь, и выйдет из этого толк...

Старый жрец-вайделот жил в глухом лесу возле Лишайного камня – огромного валуна, поросшего мхом и лишайником. Да и сам жрец чем-то походил на этот камень – такой же хмурый, нелюдимый, древний. Он умел слышать то, чего не слышали другие, общался с миром мёртвых и принимал оттуда послания... Всем своим мрачным видом он буквально излучал черноту, а также смертельную усталость, и, случалось, пытался окутать своей магической тьмой окружающих его людей. Порой он казался излишне строгим, однако в душе был добросердечен, также, как и мудр.

К его землянке вели едва заметные тропки, по которым люди находили дом лесного чудесника. Тот помогал всем – если не чудесной травой или отваром, так добрым советом. Узнав, что некий парнишка из селения Лауме живо интересуется лечебными травами, наблюдателен, сметлив и зорек, жрец согласился взять его к себе. Пожалуй, он даже обрадовался, что теперь ему есть кому передать свои сокровенные знания, и он не проведёт остаток дней в одиночестве.

И началась для мальчишки пора обучения. Старый жрец не спеша втолковывал своему ученику важные истины, который тот легко понимал и усваивал: всё вокруг – живое: и звери, и деревья, и вода, и камни. Все они могут чувствовать и разговаривать... Огонь – тоже живой! Он ест, пьёт и спит, подобно человеку. Он чрезвычайно силен, а порой также опасен, как и добр, поэтому в пламя недопустимо плевать, тем более справлять свою нужду...

Мир полон духов, и добрых, и злых. Надо уметь приваживать первых и отгонять вторых. Но с любым из них нужно уметь находить общий язык... Боги превратили лес в удивительную кладовую для человека. Тут ему и жильё, и пропитание, и лекарство от любой хворобы!.. Человек должен уметь ладить со всеми обитателями леса, жить в мире со своей совестью... Боги и духи всегда учат и направляют нас. Они говорят, что здоровье совсем близко от болезни, а жизнь всегда рядом со смертью. Но бояться её не нужно: мы все спим при жизни и просыпаемся в момент кончины. Смерть – это переход в иную, более счастливую страну...

Последние две зимы Барт жил уже один в хижине Жола. Старый жрец со спокойным сердцем отправился к Богам, теперь он с небес взирал на жизнь своего ученика и оберегал его от всяческих бед.

Постепенно и юный ведун стал превращаться в отшельника. Но повторять путь своего учителя он не стал. Напротив, Барта часто могли видеть в различных селениях Самбии. Он охотно лечил и людей, и скотину, дарил людям обереги, делал предсказания, учил любить всё живое и неживое, и творить добро...

Локис почти миновал обширное строение Жмогуна, как вдруг его внимание привлекли женские всхлипывания. Стройная девушка в рубахе, сшитой из двух полотнищ ткани, и длинной тёмной юбке, с повязанным поверх неё передником, вытирала слёзы тыльной стороной ладони, отвернувшись к изгороди из стволов молодых сосен. Она стояла спиной к тропе, по которой шагал вайделот, поэтому не могла его видеть. Несмотря на прохладную погоду, наплечной накидки и платка на ней не было.

– Я-то полагал, – остановился Барт возле плачущей девушки, – что под крышей дома известного купца, человека не бедного и щедрого, не текут столь горькие слёзы... Боги не простят того, кто посмел обидеть тебя... Могу ли я помочь тебе, красавица?

В лучистом синем взгляде («Как у моей матушки!» – мелькнула мысль у знахаря), брошенном исподлобья на великана, светилось больше удивления, нежели горести. На заплаканном лице появилось некое подобие улыбки.

– А, это ты, добрый вайделот Локис...

– Могу ли я каким-нибудь словом или поступком прекратить этот поток слёз? Боги милосивы, все твои сегодняшние печали завтра покажутся тебе смешными...

– Ой, Барт Локис..., боюсь, что он не прекратится никогда...

– Вот как..., – ведун насупил брови и подошёл ближе. – Расскажи мне о своей беде, синеокая красавица..., – Барт наморщил лоб, – О, Боги, я не помню, как тебя зовут?

– Дуона, – ответила девушка. – Я жена младшего из сыновей купца Жмогуна, Литиса.

– Отчего же ты плачешь?

Та пожала плечами.

– Все несправедливы ко мне... То я не умею печь хлеб, то леплю кривые горшки... Два года, как замужем, а не родила мужу ни одного ребёнка... Литис заявил, что хоть сегодня продаст меня!

Барт внимательней взглянул на девушку.

– Пусть продаст. Может быть, в новой семье тебе будет лучше...

Дуона вскинула на знахаря изумлённый взгляд.

– Все говорят, что ты мудр не по годам, Барт Локис, и к твоим словам прислушиваются!.. Но то, что ты сейчас сказал, это – слова умалишённого!

Лицо вайделота оставалось серьёзным.

– А может, это самые правильные слова? – произнёс Барт. Ему и прежде были свойственны неожиданные и яркие озарения. Нечто похожее ощутил он и сейчас...

– Ты – «знающий», а не можешь понять самого главного!..

– Я вижу, у тебя кровоподтёк на шее... и на плече... Тебе, видно, достаётся от Литиса?

Лицо девушки вновь приняло печальный и испуганный вид.

– И от него, и от других членов семьи... Зачем ты спрашиваешь меня, Барт Локис? Разве ты не знаешь, что это – судьба большинства женщин нашего селения?

– Хочешь, я пойду к Литису, и попрошу его продать тебя... мне?

В этот миг ему показалось, что Дуона вот-вот бросится бежать.

– Ты что, вайделот?.. В своём ли уме?..

– В своём.

– Неужели ты хочешь стать моим мужем?.. Ведь, проданная Литисом, я гожусь только в рабыни!

– Я хочу, и Боги тому свидетели, чтобы ты стала моей женой, Дуона.

Та поджала губы, не зная, что ответить.

– Литис наверняка заломит цену, – продолжал рассуждать Барт, – но, я думаю, мы с ним придём к соглашению... Есть у меня и монеты, есть и немного янтаря...

– Я не могу поверить, Барт Локис, ты всё это серьёзно говоришь?

– Литис дома? – спросил вайделот.

– Дома... Они с отцом обсуждают новую сделку...

– Тогда я загляну к нему ненадолго... А ты можешь собирать свои вещи, – произнёс Барт, направляясь к калитке.

Глава 5. 1231 год. Нашествие

А в это время на юго-западе прусских земель уже звенело оружие, и текла кровь.

Ещё в 1226 году Великий магистр Тевтонского ордена Герман фон Зальца по просьбе польского князя Конрада Мазовецкого отправился завоёвывать земли Пруссии. Папа Римский и император Фридрих II одобрили и благословили это вторжение. Был объявлен крестовый поход против пруссов под предлогом христианизации языческого народа. Фридрих II подписал знаменитую буллу, в которой Ордену предоставлялась полная свобода действий в тех краях. Тевтонцам в 1229 году даже была пожалована Хелминская (Кульмская) земля. Находилась она в юго-западной части Пруссии, в соседстве с Польшей, и примыкала к правому берегу Вислы, орошаясь тремя её притоками. Когда-то эта земля принадлежала пруссам, но их вытеснили поляки. Сейчас она выглядела дикой и безлюдной.

Вот так и вышло, что Хелминская земля, согласно договору, стала местом дислокации тевтонцев и плацдармом для дальнейших походов на Пруссию.

В 1230 году папа Григорий IX издал буллу, дающую Тевтонскому Ордену право крещения пруссов и закрепления за собой всех завоёванных земель, которые затем формально должны были перейти под контроль и опеку римского папы. Однако у Ордена имелись свои, гораздо более масштабные планы, нежели те, о которых упоминалось официально. Неспроста он выпросил права на завоевание новых земель на территории Пруссии.

В этом же году Орден приступил и к активным боевым действиям. Поначалу Великий Магистр послал в Мазовию авангард, состоящий из семи рыцарей и нескольких десятков сариантов во главе с Конрадом фон Ландсбергом. Завладев замком Фогельзанг, крестоносцы, не встретив серьёзного сопротивления, организовали поход на пруссов, проживавших на другом берегу Вислы. В нём участвовали польские, немецкие и померанские рыцари, в качестве небольших вспомогательных войск набирались отряды из пруссов, выразивших лояльное отношение к Ордену. Особых результатов эта вылазка не дала. Просто, убили несколько десятков жителей да сожгли ряд селений...

В этом же году в замок прибыло подкрепление из двадцати рыцарей и двух сотен сариантов во главе с самим Германом фон Балком. Тот сетовал, что в Пруссию были посланы ничтожные силы, но основные орденские войска пока оставались в Малой Азии и Армении.

Над лесами, пашнями и селениями пока ещё свободных общин всё чаще поднимались столбы зловещего чёрного дыма...

После очередной кампании в Палестине много крестоносцев возвращались домой, здесь же, в Пруссии Орден остро нуждался в подкреплениях и свежих силах для развёртывания дальнейших военных действий. Тактика тевтонцев оставалась прежней – они продвигались вперёд, строя по пути небольшие форты и укрепления, первоначально из дерева, которые оборонялись небольшими гарнизонами.

На «освобождённые» территории переселялось множество колонистов из Священной Римской империи, что ни год – то возникал новый город. Некоторые из них даже получали Кульмское право (45).

В мае 1231 года молодой рыцарь Ансельф фон Грюнфельд прибыл на аудиенцию к Герману фон Балку, назначенному два года назад ландмейстером Пруссии. Он был без доспехов, в коротком, выше колен белом полукафтанье, опоясанном коротким мечом. Могучий рыцарь с широкой бородой и стриженными «под горшок» волосами, с цепким, внимательным взглядом радушно встретил «юнца». Некоторая сентиментальность, однако, никогда не мешала ему быть крайне жёстким. «Главное предназначение воли – это принимать принципиально важные решения и добиваться их исполнения», – считал он. Побеседовав с Ансельфом, он смерил его

взглядом, как бы прикидывая, на что способен новый брат рыцарь в настоящем бою... и определил того в отряд рыцаря Герхарда фон Кууна.

– Брат Герхард, – произнёс напутственно ландмейстер, – толковый военачальник и опытный человек. Он много пережил. Не перечь ему..., но и смело высказывай своё мнение. Я уверен, что вы поладите... Да поможет вам Пресвятая Дева Мария!

Прибыв в расположение отряда Герхарда фон Кууна и представившись начальнику, крупному человеку сорока с небольшим лет, с морщинистым и чрезвычайно загорелым лицом (что являлось свидетельством продолжительной службы этого известного рыцаря в южных странах), Ансельф услышал:

– Я знал твоего отца, брат. И скажу честно: горжусь этим! Надеюсь, ты не только не посрамишь его имя, но и прославишь! Мы тут без дела не сидим: и воюем, и строим...

Всей своей комплекцией, грубоватым напором и мощью Герхард фон Куун напоминал быка... Он всегда настойчиво двигался к намеченной цели, причем иногда, если интерес к ней уже был утрачен, просто по инерции. Шутник, задира и насмешник, большой любитель прихвастнуть и даже приврать. Казалось, ему легче было дать кому-то по шее, чем долго уговаривать и объяснять. Но за свои вспышки гнева и нелепые выходки рыцарю никогда не бывало стыдно, ибо он всегда точно бил в цель и достигал желаемого результата...

– Завтра на рассвете выступаем в поход. Мы – передовой отряд, за нами последуют основные силы. Будь готов: нам предстоит переправа через Вислу! Наша цель – прусский Кульмерланд!

Молодой рыцарь вышел из палатки брата фон Кууна вдохновлённым. Имя его отца, оказывается, всем известно, а завтра – начнётся и его ратная карьера в качестве рыцаря! Он и своё имя сделает громким! Одно смущало – там, в Палестине все воюют за Иерусалим и Гроб Господень. А тут – с какими-то племенами язычников... Хотя, сам римский папа благословил этот поход и по значимости приравнял его к походу на Палестину...

– Какие будут приказания, брат Ансельф? – это подошёл оруженосец. – Как встретил тебя фон Куун? – Казалось, брат Йозеф пытался спрятать ухмылку на веснушчатом лице.

– Готовимся к завтрашнему походу. Будем переправляться вплавь через Вислу, держась за конскую гриву. Доспехи и оружие надо навьючить на обе лошади, а сами останемся налегке... На том берегу оденемся и экипируемся...

– В такую погоду поплавать – одно удовольствие! – и улыбка расплылась на широком лице оруженосца. – Лишь бы нас не ожидала на том берегу засада...

– Будем молить Пресвятую Деву Марию, чтобы избавила нас от этой напасти, Йозеф.

На следующий день небольшой орденский отряд в количестве девяти рыцарей, одного священника и около сотни кнехтов, переправились через Вислу. На берегу они облачились в своё платье, и надели доспехи. И – вовремя! На них напал разведывательный отряд пруссов. К счастью, братья рыцари сумели вовремя перестроиться в боевой порядок, и долгое время всадники кунигса Леха Волосатого не могли причинить крестоносцам сколь-нибудь серьёзного вреда. Крестоносцы же арбалетными выстрелами «сбили» добрую половину пруссов с коней. Затем рыцари нанесли мощный решающий удар.

...Брат Ансельф с копьём наперевес мчался на воина, вооружённого боевым топором. Тот прикрывал своего товарища, схлестнувшегося в схватке с рыцарем Рудольфом фон Ломзе. Оба действовали мечами. Прусс проявлял завидную сноровку и выучку, храбро отражая удары одного из лучших бойцов Ордена. Молодой Грюнфельд воспользовался тем, что его противник в азарте боя слишком поздно заметил его приближение и не успел отскочить в сторону или прикрыться щитом. Остриё копья пробило лёгкий доспех на груди прусского воина и тот, сражённый, упал под копыта коня. В это время и брат Рудольф расправился и со своим врагом.

Другие рыцари с криками: «С нами – Пресвятая Дева Мария!» ударили во фланг прусского отряда и смяли противника. Кнехты сражались не менее яростно и умело.

Вскоре бой закончился. Оставшуюся часть пруссов спасла быстрота их коней.

– Неплохо! – оценив поле битвы, заметил фон Балк. – Хвала Пресвятой Деве Марии!

Немного позже похоронили убитых. Священник, отец Франц, прочитал над их телами заупокойную мессу. Раненых, благо, таковых оказалось не много, перевязали полотняными лентами и напоили вином. Тех, кто не мог идти сам, уложили на повозки.

Помощь раненым всегда оказывалась по окончании боя, когда победившее войско располагалось на отдых в своём лагере. Если было возможно, то раненый рыцарь покидал поле сражения самостоятельно на своем коне, иногда поддерживаемый сидящим сзади оруженосцем. В редких случаях, увеченных оттаскивали непосредственно во время боя монахи и женщины из обоза. Но чаще покалеченных рыцарей выносили их слуги на руках или на щите на расстояние полета стрелы от поля битвы, где им оказывали всяческое пособие, после чего отправляли в замки или монастыри. Если же войско продолжало поход, и не было возможности обеспечить безопасность в районе бывшего сражения, их брали с собой. Для перевозки на большое расстояние применялись носилки и волокуши, сделанные из подручного материала: копий, палок и ветвей. Основным средством транспортировки: были кони и мулы. Иногда носилки подвешивались между двумя лошадьми, шедшими рядом, или укреплялись на спине одной лошади.

Ландсмейстер, уже отошедший от пыла сражения, отхлебнул из фляги вина, вытер губы, и дал следующие указания: отряд Герхарда фон Кууна в составе трёх рыцарей и сорока кнехтов отправляется дальше, к крепости Горице, с ними последует прусский крестьянин в качестве проводника и переводчика. Оставшаяся часть отряда будет заниматься подготовкой к возведению именно здесь, на этом месте, замка, коему уже дали название – Торн.

Получив дополнительные устные указания от фон Балка, отряд Герхарда фон Кууна двинулся вперёд. Сосновый лес выглядел торжественно, как храм с колоннами. Лишайники под ногами были цвета старинного серебра... Через час пути меж деревьями посветлело, и крепостносцы вышли к небольшому селению. Некоторое время они стояли возле частогокола изгороди, с опаской глядя на постройки под соломенными крышами. Первым заговорил проводник прусс:

– Господа рыцари, – произнёс он, – селение покинуто. Видите, людей нет, скотины не слышно, петухи молчат, даже собаки не лают...

Замерев, он обратился в слух, словно весь стал огромным настороженным ухом... Наконец, и всем стало понятно, что жители в спешке собрали свои пожитки и спрятались в чаще.

– Общитесь здесь всё! – дал указание Герхард фон Куун командиру отряда кнехтов Марку Веттеру. – Что осталось от скотины – в провиант, людей – ко мне на допрос!

Рыцари спешили, позволив себе небольшой отдых, а кнехты ринулись в селение.

Солнце, между тем, уже высоко стояло в голубом, безоблачном небе. День обещал быть жарким. В вышине звенела песня жаворонков, изливая на всю округу чувство покоя и умиротворения. В стороне, к югу, над лугом и полями парили коршуны, высматривая добычу с высоты двух полётов стрелы.

Молодой рыцарь Ансельф заинтересовался беседой проводника и брата Герхарда.

– В какой стороне Горице? – спросил фон Куун.

– Там, – указал тот на восток.

– Сколько до неё?... – но, поняв, что прусс не разбирается в числах, переспросил: – когда мы там будем, если станем двигаться прежним темпом?

– Ещё до вечера, господин рыцарь... Она вон за тем лесом...

«Неужели он думает захватить её сходу, без подготовки и разведки?» – подумал фон Грюнфельд.

Тут к Ансельфу подошёл брат Рудольф.

– Ловко ты сбросил того прусса с топором, брат Ансельф, – произнёс он с улыбкой. – А я всё боялся открыть ему спину, ведь ударил бы, чёртов язычник...

- Непременно б ударил, – согласился с ним фон Грюнфельд.
- Благодарю тебя, брат. Ты помог мне!
- Я уверен, что ты поступил бы так же...
- Уж будь спокоен...

Они улыбнулись друг другу, и Ансельф почувствовал, что между ними пробежала искорка взаимной симпатии. Рудольф был старше Ансельфа всего на пару лет, но считался, возможно, лучшим бойцом на мечах в отряде Германа фон Балка. К сожалению, Ломзе не принадлежал к такому же знатному роду, как Грюнфельд, а являлся четвёртым или даже пятым, младшим сыном обедневшего германского дворянина. «Человек, сделавший себя сам» – так можно было сказать о нём. Этот юноша упорно и последовательно шаг за шагом сам выводил себя в люди. А поскольку имел крепкую волю, то достиг определённой высоты. Терпеливое самовоспитание и даже самобичевание – вот что было его уделом. Но, несмотря на это, из всей прочей братии его выделяли необыкновенная элегантность, аристократичность и благородная мужественность.

Вскоре кнехты приволокли двух стариков, которые не захотели (а, возможно, их просто в спешке бросили сородичи) покидать селение. Обоих швырнули под ноги брату Герхарду.

Тот брезгливо оглядел сморщенных, испуганных старцев и сплюнул. Веттер пожал плечами, мол, больше никого не нашли.

- Вы знаете крепость Горице? – задал вопрос брат Герхард.

Прусс перевёл. Оба старика закивали головами. Без переводчика было понятно, что – знают.

– Какой там гарнизон? Сколько человек защищают крепость?.. – спросил фон Куун, но вновь осёкся. Проклятые язычники не знают счёта! – Хоть как-нибудь объясните мне, какими силами обороняют крепость!

Но те всем своим видом показывали, что они ничего не поняли или не знают. Провозившись с ними около получаса, брат Герхард зло сплюнул и махнул рукой.

- Толку от них... Ладно, поедем и сами всё увидим...

- А с этими что делать? – спросил рыцаря Веттер.

– Что? Ах, да... повесьте обоих вон на той яблоне! Ветви у неё крепкие, должны выдержать... Тот, кто не умеет считать, не достоин жить на этом свете...

Спустя некоторое время, отряд продолжил свой путь на восток.

Часа через три, когда крестonosцы обогнули небольшой лесок, показались стены крепости Горице. Это был бревенчатый частокол, высотой в восемь-десять локтей, за которым скрывались строения, возвышающиеся над ним на три локтя.

Солнце стояло ещё довольно высоко. От зноя и духоты кружилась голова...

- Какие действия предпримем, братья рыцари? – собрал совет фон Куун.

- Идти напролом нет смысла, – ответил брат Рудольф.

- Может, выйти к стенам и вызвать их на бой? – предложил брат Ансельф.

– Нет, они будут сидеть за стенами и отстреливаться... Нужно их как-то... оттуда выкурить...

- Поджечь! – одновременно пришло решение ко всем троим.

– Веттер! – позвал командира отряда кнехтов брат Герхард. – Найдётся ли у тебя в отряде десяток добрых лучников, чтобы с расстояния двухсот шагов расстрелять стены крепости стрелами с горящей паклей? И сможем ли мы поджечь их?

– Если они не из морёного дуба, то вполне... – ответил тот. – Да откуда он у них, наверняка, одни сосновые брёвна! Загорятся, как миленькие!

- Вот и славно...

– Правда, пакли у нас нет. Но есть материя, пропитанная маслом. Используется как раз для таких случаев... Только надо отвлечь внимание защитников крепости, чтобы лучники смогли подползти поближе к стенам...

– Хорошо! – решил фон Куун. – Мы появимся с южной стороны, потребуем сдать крепость, а вы поджигайте стену с западной!

Веттер кивнул и отправился исполнять приказание.

– А мы, братья, поедem к южным воротам! – сказал фон Куун, и пришпорил коня. – Как кстати, что ветер сегодня западный! Хвала Пресвятой Деве Марии!

Так и поступили. Отряд подъехал к южной стороне крепости, отвлекая на себя внимание. Братья рыцари по очереди подъезжали к стенам сооружения, из-за которых за ними следили настороженные глаза язычников, и вызывали тех на бой.

– Если сдадите крепость, никого не тронем! – обещал фон Куун. – Можете убираться куда угодно!

– Повесьте на стену белое полотно! Это будет знак того, что крепость сдаётся! Мы отойдём в сторону, и дадим вам возможность отхода!

Защитники изредка выкрикивали оскорбления, впрочем, по-прусски, и их никто не понимал. Но белого флага никто поднимать не торопился. Иногда из крепости вылетали стрелы, но вреда они никому причинить не могли.

– Что ж, – решил брат Герхард. – Мы умеем ждать...

Ждать долго не пришлось. Вскоре слева на крепостной стене появились клубы дыма. Поднявшийся ветер начал раздувать пламя.

– Пресвятая Дева, – прошептал Ансельфу брат Рудольф. – Ты вняла нашим мольбам...

Через четверть часа защитники, поняв, что им не выдержать сражения с огнём и крестоносцами, сдались. Как и обещал брат Герхард, он отвёл свой отряд в сторону и дал возможность пруссам покинуть крепость.

– Хорошо бы ударить им в спину, – предложил Веттер.

– Да, неплохо бы, – подтвердил брат Герхард. – Но только я дал слово рыцаря. А я им дорожу... Пусть улепётывают. Уверен, что завтра мы с ними встретимся в чистом поле... И тогда..., да поможет нам Пресвятая Дева!

Вторая победа за сегодняшний день была одержана. 27 мая 1231 года крепость Горице перестала существовать.

На ночь отряд фон Кууна начал устраиваться неподалёку от пожарища, пламя которого «сожрало» прусское укрепление в течение часа. Веттер расставил караулы, рыцари поставили шатры и разожгли костры. В недавно покинутом селении удалось раздобыть пару свиней, поэтому ужин ожидался роскошный. Да и грех было не отпраздновать победу!

Небо загло на своём чёрном бархате драгоценные россыпи звёзд. Воздух был так прозрачен, что они казались ярче обычного. Наконец, и луна повернула своё полное и доброе лицо к воинам Христа. Лишь однажды бесшумной тенью мелькнула ночная птица, а потом в голубом лунном сиянии внезапно кто-то страшно ухнул и захохотал на весь лес... Негромко потрескивали сгорающие в костре дрова, искры взлетали в ночное небо и безмолвно таяли в нём.

– Нет ничего лучшего, чем в такую ночь запить добрым вином сочный, зажаренный кусок свинины! – до фон Грюнфельда донёсся голос Веттера. – Эй, брат Ансельф, подсаживайся к костру, да возьми кубок в руки!.. А я пойду, проверю караулы..., – хоть битвы и невзгоды объединяют людей, и многим не до этикета, но командир отряда кнехтов был простолюдином, и не мог позволить себе ужин в обществе рыцарей.

– Тяжёлый был день, – Ансельф подошёл к костру и уселся рядом с рыцарями Рудольфом и Герхардом. Он принял из рук последнего приличных размеров кусок мяса на кости. В другую руку ему вложил кубок с вином брат Рудольф.

– Главное, что он славно завершился, – заметил фон Куун. – Единственное, что портит мне сегодня настроение, так это – комары... Давайте вознесём молитву Пресвятой Деве Марии, да выпьем за первые победы в землях пруссов!

– Говорят, ты много повидал на свете, брат Герхард, – промолвил Ансельф, когда рыцари осушили по кубку и хорошо приложились к мясу. – Тебе есть, что поведать нам, испытавшим гораздо меньше, чтобы мы могли потешить наше любопытство?

– Разумеется, – усмехнулся фон Куун, помешивая угли в костре. – Судьба побросала меня в своё время... А поведаю я вам, братья, об одном замечательном напитке... О таком вы, скорее всего, даже не слыхивали...

Братья рыцари приготовились слушать.

– История эта началась три года назад в Палестине... Тогда мне не повезло, и я попал в плен к сельджукам... Не хочу вспоминать о своих злоключениях, скажу только, что со скотом обращаются лучше... На исходе 1228 года мне удалось убежать... Я пошёл на юг, пытаюсь выйти к городу Аскалону. Но, поскольку я лихо петлял, стараясь уйти от погони, то... случайно промахнулся... И попал в Египет...

– Ого! – воскликнул брат Рудольф. – По-крупному петлял, брат Герхард...

– Да, словом, оказался я в Египте, у города Фирам..., – фон Куун неспешно приложился к кубку. – Там я вновь попал в плен, но уже к мамлюкам...

– Пресвятая Дева..., – прошептал фон Ломзе.

– А потом меня продали одному купцу из Йемена... Мы направились в Джизак... Это – столица султаната с таким же именем. В этом городе я впервые и вкусил этот напиток...

– Что же это было, вино? Мёд? – не выдержал Ансельф.

– Нет, брат. Этот напиток называется кофе. Он был очень дорогим и немногие могли похвастаться тем, что вкушали его... Его готовят из особых зёрен, которые поджаривают, измельчают и аккуратно заваривают...

– И... что?..

– Я пришёл в восторг от него после первой же чашки! У него горьковатый вкус, но превосходный запах! Он снимает усталость, умножает силы и придаёт бодрость духу!..

– Но что же было потом?.. – спросил брат Ансельф.

– Потом был очередной побег, – усмехнулся фон Куун. – Но, собираясь в него, я прихватил с собой мешочек с зажаренными кофейными зёрнами!

– *Macte!* — воскликнул брат Рудольф. – А дальше?

– Мне удалось, в конце концов... пробраться к своим. А в 1230 году я предстал перед Германом фон Зальца, и даже выступил на Капитуле с рассказом об увиденном... Великий Магистр пригласил меня в поход на Пруссию. Я присоединился к небольшому отряду Германа фон Балка. И вот я – здесь...

– Занятно, – протянул брат Ансельф.

– М-да... – добавил брат Рудольф. – Довелось тебе побегать, брат Герхард...

– Но это не всё, братья рыцари. Со мной – мешочек с кофе. Я приглашаю вас его отве-
дать... Завтра на рассвете...

– Но почему же не сейчас? – удивились рыцари.

– Потому что, выпив кофе, вы до рассвета не сможете заснуть. А всем нам надо выспаться и набраться сил. А уж утром... мы вместе насладимся этим чудесным напитком!

Ночь прошла спокойно. К крикам ночных птиц воины были привычны, пруссы тоже не досаждали. Темноту сначала сменила серая туманная пелена, потом небо на востоке озарилось яркими сполохами: малиновыми, розовыми, оранжевыми... Наконец, выглянул и солнечный диск.

На рассвете 28 мая брат Ансельф, выспавшийся, вышел из палатки. Первое, что бросилось ему в глаза – это сидящий у костра брат Герхард. Над пламенем висел котелок с водой.

– Хвала Пресвятой Деве, ты проснулся, брат Ансельф! Сейчас и брат Рудольф выйдет. Храп его прекратился, значит, скоро совсем проснётся, – на губах рыцаря играла улыбка.

– А что это у тебя в руках, брат Герхард? – обратил внимание фон Грюнфельд на странный предмет с ручкой, которую рыцарь не спеша крутил вокруг её оси.

– Это ручная мельница. Я на ней мелю кофейные зёрна.

– Словно пшеницу или рожь?

– Точно, брат Ансельф. Кофейные зёрна тоже тверды... Ощущаешь запах?

Рыцарь наклонился, и его носа коснулся необычайный аромат.

– Никогда не испытывал такого, – растерянно произнёс брат Ансельф. – Но чертовски приятный запах!

– Вот-вот... Сейчас дождётся *aqua bulliens* (46) и я заварю кофе. Неси сюда свой кубок...

Не прошло и нескольких минут, как к рыцарям присоединился и брат Рудольф. Вскоре брат Герхард разлил долгожданный напиток по кубкам.

– Пробуйте, братья!

Обжигающий напиток своим ароматом просто дурманил. Глоток, второй... По телу растеклось тепло, а в голове прояснилось... Ещё глоток... и заиграла кровь, в конечностях появилась лёгкость, мускулы заиграли... Ещё глоток...

Внезапно зазвучала труба.

– К оружию! – раздался истошный крик. – Пруссы!

Брат Ансельф вскочил и помчался к своему коню. Миг – и он в седле! Рывок – и меч вылетел из ножен.

– *Gott mit uns!* (47) – закричал фон Грюнфельд.

– *Gott mit uns!* — подхватили его собратья.

И брат Герхард, и брат Рудольф пущенной стрелой взлетели на своих коней и ринулись в атаку. Пешие пруссы не ожидали такого поворота. Они, видимо, собирались напасть на сонных воинов...

Брат Рудольф, размахивая мечом, влетел в самую гущу противника. Ансельф последовал за ним. Рядом он слышал голос брата Герхарда:

– Держись, брат! С нами Бог!

Рука действовала машинально. Она не уставала, меч летал направо и налево, отбивая удары и нанося их. Не прошло и минуты, как три рыцаря заставили ряды пруссов дрогнуть. Когда подтянулись и ударили кнехты, язычники бросились врассыпную. Крестоносцы ещё долго преследовали их...

– Вот это был бой! – осматривая после сражения окровавленный меч, произнёс брат Рудольф. – Казалось, в меня вселился сам дьявол! И откуда только силы взялись?..

– И со мной произошло то же самое, – признался брат Ансельф. – Словно Пресвятая Дева одарила меня силой и бодростью... Я сразил, по меньшей мере, два десятка пруссов!

Оба обратили свой взор на посмеивающегося брата Герхарда.

– Теперь вы поняли настоящую силу кофе?

– Господь Всемогущий... неужели это из-за него?

– А вы как думали...

– Тогда об этом должен узнать ландмейстер! – выпалил брат Ансельф.

– Конечно. Мы сейчас же сядем за письмо в Торн, Герману фон Балку... И вы слово в слово передадите свои ощущения! Важно, чтобы зёрна кофе всегда сопровождали нас в наших походах...

Глава 6. Муж и жена

– Знай же, Дуона, что твой... бывший муж Литис – твердолобый недоумок! Грязная свинья!

– Я давно это знаю, милый Барт. А что между вами произошло?

«Знающий» немного помолчал.

– Я ему предложил за тебя три флорентийские монеты... На них можно купить целую деревню! А он начал рожу кривить, мол, мало...

– Да, он – такой. Ему всегда мало... Ну, а ты что?

– Я ему сказал, что... пусть он хоть лопнет, но больше ничего не получит!

– А он?

– Он начал браниться и бросился на меня с кулаками...

– Это он может, – вздохнула молодая женщина.

– Потом он стал говорить про тебя разные гадости! Тут уже я не выдержал...

– Что?.. Что ты ему сделал, Барт?

– Да ничего страшного, – махнул рукой ведун. – Приложил его разок мордой о столешницу...

– Но там же был его отец и братья, – не на шутку перепугалась Дуона.

– Слава Перкуно, они не стали нарываться на неприятности!.. И тогда я ушёл.

– Так просто, взял и ушёл? И ничего не сказал?

– Не совсем так... Сначала из трёх монет я забрал две... И сказал, что отныне ты – под моей защитой... И пусть не твякают в сторону нашего дома. Злобную собаку я в состоянии задушить одной рукой.

Дуона крепко прижалась к Барту.

– Ещё никто, никогда меня не защищал, – прошептала она. – Благодарю тебя, Локис.

Солнце увязло в облаках, и погода испортилась... Дорожка была устлана прошлогодними шишками, хвоей и листвой. У её края чернели кусты ракитника, а чуть поодаль ошетинился низкий сухой репейник. Они возвращались из дома, где проживали родители Барта, и куда заглянули после сделки купли-продажи жены Литиса. Увидев невесту сына, Скамбо с женой оторопели. Их сын зачем-то приобрёл ненужную другому мужчине жену... Кто же она такая, коль сумела очаровать самого вайделота? Почему он взял ту, от которой отказалась другая семья?.. Впрочем, пораздумав, Скамбо пришёл к выводу, что Литис, несомненно, полное ничтожество, хоть и стал богат, благодаря отцовским сделкам... Каково прислуживать в такой семье?.. Его Анни уж точно бы не смогла!.. А Дуона... Очень привлекательная девушка. И глаза такие же синие, как у его Анни... Пусть же живут вместе, его Барт – совсем не глупый человек. Он знает, что делает. Ведь отец его чему-то научил... Да и старый жрец Жол – наверняка, тоже...

Анни прослезилась, а обветренный и морщинистый Скамбо пожелал молодым удачи, чтобы Боги не забывали их. Для сына отец Барта решил освободить отдельную комнатку, ведь обе его дочери уже были замужем и жили со своими мужьями в своих домах. А раз пространство освободилось, пусть же тут живёт Барт. Нечего ему, словно дикому зверю, обитать в лесной чаще.

Возвращаясь из отцовского дома к себе, в землянку отшельника за некоторыми, необходимыми ему вещами, Локис вёл на поводу коня. Высокие деревья гигантским колпаком покрывали их. Рядом с такими великанами человек казался букашкой... Вот рыженькая белка с белой грудкой невозмутимо грызёт на ветке шишку, а дятел, заметив путников, забрался повыше и спрятался на другую сторону ствола, откуда с опаской поглядывал на идущих людей.

Тем временем, небо начало хмуриться и заметно похолодало, того и гляди, закружатся белые хлопья...

– Ты не замёрзла? – заботливо спросил Локис, обнимая суженую.

– Нет, что ты... – та из дома Литиса забрала только гребешок и льняное платье, которое тут же и одела. А поверх набросила войлочную накидку. – Твоё тепло меня согревает...

Они приближались к Гридижалису. Огромный священный дуб рос на склоне, заканчивающимся берегом Прегоры. В этом месте она была неширока, даже запруду, которую соорудили местные жители для постройки причала, запросто могла перелететь стрела, выпущенная из лука.

Сейчас вода имела тёмный, свинцовый цвет... От неё веяло смертельным холодом, тревогой и необъяснимой опасностью. Казалось, сам седой Патолло (48) смотрит на вас из глубины... Да, слишком рано люди обрадовались весеннему теплу...

– — Ты знаешь..., – Дуона вновь прильнула к сильному плечу спутника, – мне с тобой и в землянке было бы прекрасно...

– Нет, – улыбнулся Барт. – Землянка хороша для одинокого зверя... А для главы семейства нужен человеческий дом!

– А... – вдруг встрепенулась Дуона, – какой ты меня берёшь женой? Второй или третьей? – в её глазах вспыхнула лукавая искорка.

– Первой, – усмехнулся Барт. – И – единственной... Так угодно Богам...

– Но ведь мужчинам из нашего рода можно иметь до трёх жён... Значит, это тоже угодно Богам?

– Нет, милая. Это люди придумали сами. А пообщались бы с Богами... или хотя бы с духами... то поняли, что это – не так!

– А ты что, общался с ними? – женщина взяла руку Барта и прижала её к своей груди.

– Да... Конечно, не так как с тобой, но и того было достаточно, чтобы понять, что это – Боги... Они ведь постоянно рядом с нами, но часто используют чужие губы, чтобы сказать человеку что-то важное...

– А с кем из них тебе довелось видаться и говорить? – шёпотом спросила Дуона.

– Перкуно... Такой седовласый, крепкий мужчина... Потримпо, молодой безбородый паренёк... и мудрый Патолло... Кроме них, я неоднократно беседовал с гномами-барздуками... Все они против многожёнства... А вот и сам Гридижалис... Здравствуй, наш могучий брат! – Барт поклонился дубу. – Мы прибыли к тебе для того, чтобы совершить обряд соединения наших путей и судеб!

Много повидал священный дуб на своём длинном веку. Издавна под его кроной собирались люди и проводили разные обряды: радовались рождению детей и прощались с умершими, произносили судьбоносные речи и давали торжественные клятвы... Приходили поодиночке, семьями и целыми родами... Дарили ему самые ценные вещи, повязывали на его ветках цветные ленточки, вкладывали в дупла и зерно, и хлеб, и мёд, и монеты, часто приносили в жертву домашних животных... А эти двое отчего-то вызвали в нём чувство лёгкой грусти... Когда-то и он был молод, крепок и гибок... Сколько же зим с тех пор прошло?

Молодой человек без труда забрался на коня, протянул руку, легко ухватил девушку и посадил её перед собой. Затем Барт тихонько направил коня вокруг священного дерева. Пока они совершали троекратный поход вокруг Гридижалиса, Дуона слышала, как Барт что-то шептал дубу. Ну, конечно, ведь он «знающий», он – вайделот... Ему известны слова, которые говорят в подобных случаях... Это значит, что их союз будет крепким, как этот дуб, долгим, как его век, и нерушимым, как гора, на которой он стоит. Мужчина обнял её стан своими сильными руками и надёжно прижал к себе.

Она почувствовала себя счастливой, возможно, первый раз в жизни...

– Вот теперь мы – муж и жена, – промолвил Барт, когда обряд закончился. – Чуть позже я отведу тебя в дом своих родителей, и мы там будем жить долго и счастливо...

– Я не могу поверить..., – слёзы стояли в синих глазах Дуоны. – Или мне всё это снится? О, Боги... Примите мою глубокую благодарность... Я буду тебе верной и послушной женой, Барт...

– А сейчас мы наведаемся в лес, в мою землянку... в которую я уже больше не вернусь, – заметил Барт. – Мне нужно забрать с собой травы, которые я собирал всю прошлую осень. Эти травы, я думаю, помогут мне спасти ещё не одну жизнь! Кроме того, там у меня есть ещё что-то...

Дуона не слушала его, она вообще ни о чём не думала, потрясённая свалившимся на неё счастьем. Ведь она больше никогда не увидит ненавистное лицо Литиса, не почувствует его грубую хватку и резкие, хлесткие удары, не услышит упреков и брани со стороны его родни... Ас Бартом у них всё будет хорошо, в этом она была уверена.

Жёлтые глаза с янтарным оттенком, принадлежащие грозному лесному хищнику, были прищурены. Казалось, что он дремлет в кроне раскидистого дуба. Но это впечатление было обманчивым. Нос и уши зверя уже сигнализировали ему о приближении двух человек к месту, которое он охранял и считал своим. Одного из них он хорошо знал и нисколько не боялся. Пожалуй, он был ему даже рад. Но вот второй... Запах второго был ему незнаком. Он насто-раживал и заставлял сердце зверя биться чаще... Крупный хищник отчётливо слышал голоса, и ему даже казалось, что первому человеку ничто не угрожает... Но полной уверенности у него не было. Он знал, что люди часто бывают веселы и добродушны, но в следующий момент они могут взять в руки изогнутую палку и пустить стрелу с острым наконечником, неся кому-то смерть... Люди хитры и коварны..., но его, лесного зверя, им не обмануть. Он всегда чувствует любую фальшь и исходящую от них энергию, будь то страх или сила, злоба или доброта, агрессия или любовь...

Голоса приближались. Зверь грациозно потянулся, обнажив острые когти и оскалив страшную клыкастую пасть... Затем он бесшумно перепрыгнул на толстую суковатую ветвь, простирающуюся как раз над малоприметной лесной тропой, где затаился и приготовился к прыжку...

– Не беспокойся, Милио! – услышал зверь своё имя. – Это я и моя жена Дуона! Уверен, что вы подружитесь!

– Милио? – спросила Дуона. – Кто это?

Но тут же увидела крупную рысь, упруго выпрыгнувшую навстречу вайделоту. Размером она была со сторожевую собаку, что охраняют дворы в их селении. Туловище у большой кошки было короткое, плотное, с длинной, особенно на брюхе, шерстью и коротким хвостом. Лапы, как водится у рысей, крупные и сильные, а на кончиках ушей темнели кисточки.

– Три зимы прошло с тех пор, как мы с Жолом приютили маленького котёнка, детёныша рыси. Он очень привязался к нам, – рассказал Барт. — Когда Жол ушёл в обитель предков, Милио, такое имя ей дал сам жрец, стала постоянным моим гостем... Я с ней подолгу разговариваю и могу с уверенностью сказать, что зверь меня понимает...

– Как она смотрит на тебя! – с восхищением заметила Дуона. – Похоже, что она и сейчас нуждается в твоём совете...

– Прекрасно, что ты заметила это, Дуона. Твой взгляд способен проникать глубже, чем у обычных людей. Не удивлюсь, если ты скоро начнёшь понимать и язык зверей...

– А она не набросится на меня? – испуганно спросила женщина.

– Теперь нет.... Она уже поняла, что ты – со мной... А сейчас я открою вход в землянку... Полезай за мной!

Они подошли к небольшому холмику, покрытому снегом везде, кроме самой верхушки. На снегу пестрели следы, в основном, птичьи. А вот тут, кажется, пробежала мышь... А эти следы странно напоминают человечьи... только слишком уж маленькие...

– Это следы барздуков, – заметив взгляд Дуоны, пояснил Барт. И деловито добавил: – Они хорошо относятся к нам, людям.

Локис наклонился и открыл четырёхугольную дверь. Дуона заметила, что внутри землянки что-то слабо светится. Когда они спустились вниз, женщина увидела, что это тлеют в очаге угли.

– Вот моё жилище! – сказал ведун. – Увы, теперь уже бывшее. Как ты находишь его, жена? – И зажёл фитиль масляной лампы.

– Тут тепло и вполне уютно, – заметила Дуона. – Пол усыпан листьями и хвоей, уложен шкурами, в углу – столовая утварь... а тут я вижу две лежанки, тоже накрытые шкурами...

– Одна моя, другая – жреца Жола. Я чувствую, как он порой спускается сюда... и даже иногда разговариваю с ним... – Барт раздул угли и бросил в огонь несколько сухих веток.

В жилище сразу прибавилось света. Дым от очага через отверстие в потолке уходил наружу...

– Я могу тебя угостить кое-чем... О, – знахарь поднял с пола заячью тушку, – наша Милио ждала меня. Она частенько приносит мне свою добычу, делится... Спасибо, подруга!

Тут Дуона заметила, что рысь тоже спустилась в землянку, несмотря на то, что Барт закрыл за собой дверь. Видимо, у Милио был отдельный вход...

Барт, между тем, предложил жене усесться на лежанку, затем покидал в котомку кое-какие мешочки, поставил на огонь котелок с водой и бросил туда пучок травы. Затем достал из деревянного ларца хлеб и сало. Предложил Дуоне перекусить. Пока та ела, Барт задумчиво помешивал варево в котелке.

– Что за зелье ты варишь, Локис?

– Этот напиток придаст тебе и мне силы и бодрости, – ответил тот, снимая котелок с очага. – А сейчас, – он уселся рядом с Дуоной, – нужно вспомнить, что мы – муж и жена! – И, ласково обняв, принялся снимать с неё платье...

Когда они с трудом оторвались друг от друга, Барт нашёл в себе силы подняться с лежанки и шагнуть к очагу. Дуона, надевая платье, украдкой любовалась красивым телом мужа, пока тот наливал в глиняные кружки изготовленный им напиток.

Она обхватила ладонями тёплую кружку и вдохнула приятный пряный аромат.

– А какие в нём травы?

– Шиповник, боярышник, немного облепихи... и ещё кое-что... Ты пей, Барт своей жене дурного не предложит! – загадочно усмехнулся «знающий». – Вот видишь, я тоже пью и даже с удовольствием!

Зверь, усевшийся в сторонке, куда падало меньше света, с интересом наблюдал за хозяином и его гостьей. Его больше волновал вопрос: почему хозяин до сих пор не проявил интереса к зайцу, которого он поймал? Он занят своей спутницей... Надолго ли? Скорей бы он её прогнал... Милио считала, что лишний жилец в «их доме» совершенно ни к чему.

Барт, между тем, принялся свежевать зайца.

Дуона, сделав несколько глотков, уже успела почувствовать чудодейственную силу напитка, приготовленного Локисом. Сердце её успокоилось и забило ровно, тепло растеклось по всему телу, усталость улетучилась вместе с дымом от очага... Она зажмурилась глазами, всё ещё оценивая то, что произошло с ней за сегодняшний день. Да, в её жизни появился другой мужчина. Настоящий, тот, которого она с удовольствием и гордостью называет своим мужем. Это не злобный слизняк Литис, это – совсем другой человек: гордый, знающий, сильный... И – добрый.

– Это – Милио! – Барт оставил рыси часть зайца, остальное завернул в шкуру и бросил в котомку. – А нам пора собираться. Ещё надо проститься с лесными духами, которые были ко мне неизменно добры...

Они вышли наружу. В лесу уже начало темнеть. Предметы потеряли резкие очертания и словно поплыли... Барт минуту постоял перед входом в землянку, затем прошептал несколько слов лесу. Дуоне показалось, что тот ответил ему лёгким ветром.

– Сестра моя, Милио, – обратился к рыси «знающий». – Настало время прощаться и нам с тобой. Я буду жить среди людей, а ты – обитатель леса. Оставайся здесь хозяйкой и не попадайся на глаза вооружённым людям.

Рысь в ответ изогнула спину, положила передние лапы на сосну и поскребла когтями ствол дерева. При этом она обнажила густой белый мех на своём брюхе в знак доверия к человеку.

Коня Барт и Дуона оставили в селении Лауме, у отца с матерью. Поэтому, домой пошли пешком. Вайделот прекрасно знал эти места и нисколько не опасался заплутать, к тому же на небе к этому времени появилась полная луна. Лесные тропинки были в снегу, но он был неглубок.

– Скажи, Локис... зачем ты взял меня в жёны? – тихо задала мучивший её вопрос Дуона.

– Так было угодно Богам, – с улыбкой ответил Барт.

– Богам... – она недолго помолчала. – А тебе?

– То, что угодно им, угодно и человеку, – ответил тот. – Я почувствовал острое желание жить вместе с тобой, значит, это Боги породили во мне такую мысль...

– Значит, Боги сами решили за нас нашу судьбу...

– А иначе и не бывает, разве ты не знаешь этого?

– Теперь знаю.

Рысь бесшумно следовала за ними, её мощные задние лапы ступали точно в след передних...

В это время, считающий себя ограбленным, Литис подбивал семью на совершение мести вайделоту, посмевавшему отобрать у него жену.

– Ты в своём уме? – увещевал его отец, почёсывая свою редкую бородёнку. – Ты продал Дуону, а он её купил! Сделка была законной!

– Но мы не сошлись в цене! – буйствовал младший сын купца. – Он предложил мне слишком мало денег!

– Ну и поторговался бы с ним, как принято в наших делах, – рассудительно произнёс Жмогун. – А не лез бы на него с кулаками! Он же – дикарь, в лесу живёт, человеческих законов не знает!

– Ты же сам говорил, что жена тебе надоела, и ты хочешь избавиться от неё, – язвительно усмехнулся брат Литиса, Томас.

– К тому же, три флорентийские монеты – это совсем неплохо! – заметил второй его брат, Франц, – А настоящая цена твоей Дуоны – как раз, одна монета, которую ты и получил.

Никому не хотелось связываться с грозным вайделотом.

– Всё равно я проучу его! – не успокаивался Литис. – И её тоже! Они у меня ещё попляшут! Я их уничтожу!

– Ну, если за это дело взяться с умом, – рассуждал отец, – то твою месть можно и осуществить... Боги помогут, если их хорошенько попросить...

– И принести жертву, – добавил Франц.

– Да, – вздохнул отец, принимаясь за еду. Семья сидела за общим столом, на котором стояло блюдо с жареным мясом, а рядом – большой кувшин с медовухой. – Жертва понадобится знатная... Тут одним петухом не отделаешься...

– Если понадобится, я целого барана отдам! – горячился Литис.

Жмогун взглянул на покрасневшее лицо младшего сына. У того красовался большой синяк на лбу – это его так «приветил» Барт. Губы Литиса скривились, по подбородку текли слюни... Отец едва сдержался, чтобы не отвесить своему отпрыску оплеуху. Он-то лучше любого другого знал все его недостатки. Тот, случалось, как скинет на ночь свою рубаху, так утром её и наденет, пусть даже наизнанку...

– А ты не спеши, – Жмогун вгрызся зубами в кусок мяса. – Придёт время, и твоя месть свершится безо всяких жертв...

– Это как? – не понял Томас.

– А так, – отец ухмыльнулся выщербленным ртом. – Сюда идут крестоносцы... Разве вы не слышали, что римский папа объявил против нас крестовый поход?

Сыновья пожали плечами и притихли. Конечно, об этом слышали все... Поговаривают, что на юго-западе уже идут сражения... Впрочем, из Польши давно уже захаживают незванные гости...

– Вот придут они сюда... И начнут обращать нас в свою веру...

– Но мы...

– Тихо! Молчать всем! – старый Жмогун нахмурился. – Кто захочет жить, тот примет чужую веру!.. Видно, нам всем придётся сделать это... А, скажите мне, кого крестоносцы будут карать в первую очередь?.. Хранителей старой веры, жрецов-вайделотов...

– Тут нашему Барту и конец... – пробормотал Литис с довольной ухмылкой.

– Вот-вот! – кивнул отец. – Тут-то ты с ним и поквитаться!

– Я сам зажгу костёр под его ногами!

Глава 7. 1232 год. Рейд за подарком из Палестины

К лету 1232 года наступление крестоносцев вглубь территории пруссов было приостановлено. Настало время строить замки и другие оборонительные сооружения. К тому же, закончились запасы кофе. Как ни странно это выглядит, но Христовы воины многие свои победы связали с употреблением этого напитка, в чём сумели убедить и ландмейстера, и самого Великого Магистра.

Герман фон Балк, получив донесение от братьев рыцарей после успехов отряда брата Герхарда фон Кууна, приказал распределить запасы его кофе по отрядам. «Раз уж он столь благотворно влияет на боевой дух и силы рыцаря, значит, сама Пресвятая Дева Мария через этот напиток являет нам своё покровительство! Я напишу письмо Великому Магистру с просьбой заказать для Ордена в Палестине ещё кофейных зёрен!»

Герман фон Зальца уже неоднократно убеждался в том, что, кофе способствует победам Ордена. Из Торна крестоносцы с ожесточёнными боями пробивались на север, рыцари пили крепкий кофе и... брали верх! Одна победа следовала за другой! Однако, как сообщил в своём донесении рыцарь Вернер фон Нордхаузен, во время переправы через реку Ногат кофе был подмочен, и перед атакой прусского племени погезан его высушить не успели. В бой вступили без кофе и потерпели поражение! Были убиты брат Йоганн фон Вальдберг и пять кнехтов.

Великий Магистр через венецианских купцов заказал не менее 60 шефелей (49) обжаренных кофейных зёрен для нужд рыцарского войска. Корабль с драгоценным грузом должен был прибыть в залив, к устью Вислы, в начале августа.

14 июля ландмейстер призвал в свой шатёр брата Рудольфа фон Брайдена, командовавшего отрядом, состоящим из пяти рыцарей, полусотни сариантов и сотни кнехтов.

– Брат Рудольф, – сказал Герман фон Балк, наполняя кубки вином. – Господь распорядился таким образом, что я вынужден возложить на тебя и твой отряд весьма ответственное поручение... – они пригубили вино. – Речь идёт о корабле, который должен прибыть к устью Вислы. – Ландмейстер развернул лист пергамента, на котором был начертан план местности. – В этом заливе, неподалёку от Путцегеровской косы он должен дожидаться вас...

Брат Рудольф был невысокого роста рыцарем, тридцати пяти лет. Лицо его словно было выдолблено из обожжённого кирпича – обветренное и загорелое, с резкими, не совсем правильными чертами. Возможно, сказывалось ранение – ему два года назад мечом рассекли щёку. Она зажила, но грубый рубец остался. Белёдые брови над жёлто-зелёными глазами, взгляд внимательный и настороженный. Как и от большинства рыцарей, от брата Рудольфа резко пахло потом, кислым вином и чесноком.

– С корабля требуется сгрузить кофе, – продолжал ландмейстер. – Это – приказ Великого Магистра. Там будет примерно десяток мешков... Зёрна следует доставить сюда. Если судно запоздает, мало ли что..., возможно, непогода или пираты..., организуйте лагерь и... постарайтесь дождаться его... А если до конца сентября корабль не появится, значит, будем считать, что он захвачен или уничтожен... Возвращайтесь назад. А сейчас подготовь отряд, возьми самых выносливых и бывалых воинов. На сборы вам – один день! Да пребудет с вами Пресвятая Дева Мария!

Согласно приказу ландмейстера, со всех отрядов были собраны остатки кофе, ими и снабдили отряд брата Рудольфа. Зёрна сложили в небольшие бочонки, которые изнутри были покрыты слоем воска, дабы избежать попадания внутрь влаги, причём, у каждого рыцаря при себе имелась ручная мельница.

17 июля отряд Рудольфа Брайдена начал продвижение на север, вдоль правого берега Вислы. Среди пяти рыцарей, входящих в его состав, были брат Ансельф Грюнфельд и брат

Рудольф Ломзе. Их сопровождали два десятка конных сариантов и полсотни кнехтов. Среди воинов находился и священник, отец Георг.

Брат Ансельф поверх доспехов накинул котту с чёрным крестом на груди (50). Кресты красовались на его щите и знамени. За годы ношения защитного вооружения тело рыцаря практически не ощущало тяжести хауберга (51) и капюшона. В качестве второго доспеха поверх хауберга он надел прочную кирасу из вываренной в масле кожи, которую, скрывала котта. На ногах сидели кольчужные чулки, поверх которых были надеты плотные простёганные полштанины. На двойной мечевой перевязи висел длинный романский меч с фигурным линзовидным навершием.

Позади него ехал оруженосец, брат Йозеф, он вёз большой шлем рыцаря – топхельм, копьё со знаменем, боевой топор. За спиной у «молочного брата» Ансельфа находился арбалет, которым тот владел весьма умело.

Примерно так же были облачены остальные рыцари отряда.

Сарианты носили серые котты с разрезами по бокам и плащи с крестом. Из защитного вооружения они имели хауберги и полусферические шлемы с отдельными кольчужными капюшонами. К сёдлам они подвесили лёгкие круглые щиты с крестами, у каждого на поясе имелся короткий меч или боевой топор. У кнехтов защитное вооружение было гораздо легче, поскольку двигались они пешком. Свои мечи, копья, луки и арбалеты воины несли в руках. К основному отряду, по приказу ландмейстера, добавили три лодки, за вёсла которых уселись кнехты.

Выехали на рассвете, но вскоре июльское солнце забралось высоко в небо и стало беспощадно жарить процессию. Хорошо, что путь проходил по берегу реки, от которой исходила прохлада, к тому же, почти вплотную к ней подступал густой смешанный лес.

В ближайшем селении был найден человек, согласившийся стать проводником отряда и довести воинов до устья Вислы. Звали его Кунитц, был он местным ремесленником, человеком лет пятидесяти. Поначалу прусс казался испуганным, но узнав, что по прибытию на место назначения он получит хорошую плату, успокоился и, похоже, даже испытывал чувство гордости. Сейчас он ехал на серой лошади, находясь вблизи от брата Рудольфа Брайдена, под строгим присмотром двух сариантов.

Отряд продвигался вперёд медленно, но ни жара и ни усталость были тому виной. Досаждали воинственные пруссы. Они нападали практически каждый день, небольшими отрядами, не вступая в открытый бой. Было похоже, что местный куниг в это время собирает силы для решающего боя. Постоянно приходилось находиться начеку – одного сарианта и двух кнехтов уже похоронили, поскольку их сразили меткие выстрелы из лука. Сидящие в засаде пруссы сразу же скрылись, и преследовать их не имело смысла. К тому же, в одной из лодок перевозили двоих раненых. Но брат Рудольф упорно вёл свой отряд на север, к месту назначения.

20 июля произошла очередная ожесточённая схватка. На этот раз пруссы действовали более сплочённо и довольно крупными силами. Напали они, как всегда, из засады. Но крестоносцы находились в постоянной готовности применить оружие, и врасплох их застать не удалось. Основной удар пришёлся на колонну кнехтов. Те сразу встали в круг, выставили вперёд длинные копья. Прусские всадники попытались прорубиться сквозь их строй, но безуспешно. В этот момент в бой вступили сарианты, а тех поддерживали рыцари. Ансельф, выхватив меч, ринулся на врага, рядом с ним, как обычно, был лучший боец отряда на мечах Рудольф фон Ломзе.

Звон мечей, дикие выкрики и конское ржание продолжалось недолго. Пруссы дрогнули и отступили. На поле сражения остались их убитые и раненые. Одного из нападавших удалось схватить живым.

Эта атака унесла жизни одного сарианта и двух кнехтов. Самое скверное, что ударом копья был ранен и прусский проводник. Истекая кровью, он тоже прощался с жизнью.

– Паршивое дело, – бросил Рудольф фон Брайден, осматривая место сражения. – Мы продолжаем терять людей, а до цели похода ещё далеко...

– Надо искать нового проводника, брат Рудольф, – промолвил фон Ломзе, вытирая сухой травой лезвие меча.

Отец Георг возносил к Господу соответствующие случаю молитвы.

Начальник отряда кнехтов Вилли Стокс подвёл окровавленного прусского паренька к фон Брайдену.

– Брат Рудольф, – сказал он. – Этот мальчишка участвовал в нападении на наш отряд... По всем правилам, его следовало бы повесить на ближайшем дереве... Но, возможно, он согласится стать нашим проводником?..

– Ну, что ж, если у вас есть люди, понимающие по-пруски, пусть допросят его. Надеюсь, он сделает правильный выбор, и мы отправимся дальше.

Как выяснилось, парень прекрасно знал дорогу к устью Вислы и согласился проводить туда отряд крестоносцев. Висеть на дереве ему вовсе не хотелось.

Не прошло и часа, как отряд отправился дальше. Всё вокруг казалось чужим, необычным, пугающим. Ближе к ночи разбили лагерь на высоком речном берегу, истыканном гнёздами ласточек, которые пронеслись мимо людей с пронзительным писком. Из небольшого болотца доносился нестройный лягушачий хор... Не рассёдывая коней, разожгли костры, установили палатки. По всем правилам, расставили посты.

– Не советую вам спать этой ночью, – предупредил брат Рудольф. – Прусы могут появиться в любой момент. Рекомендую отказаться и от вина. Лучше заварите крепкий кофе...

Брат Ансельф подошёл к священнику, который с удовольствием уплетал лепёшку, в которую завернул кусок сыра.

– Святой отец, – спросил его рыцарь, – я всё время думаю, не тяжело ли тебе двигаться вместе с нами? Мы-то – люди привычные, наша жизнь – дорога, конь и сражения...

– Да, сын мой, – отец Георг сделал знак рыцарю присаживаться рядом. – Нам, служителям Господа, приходится претерпевать тяготы и простого христианина, и благородного рыцаря... Конечно, это нелегко, а кто сказал, что служение Ему, – священник поднял глаза вверх, – дело простое? – И перекрестился.

Брат Ансельф занял место подле отца Георга.

– А случись тебе, святой отец, применить оружие... Ты смог бы?

Тот помотал головой.

– Нет, сын мой. Моё оружие – слово Божье... Поверь, оно действует иногда крепче удара мечом... Зато могу утешить страждущего или умирающего... Вот, я вижу, тебя гнетут какие-то сомнения... Спрашивай, сын мой, я попробую рассеять их с Божьей помощью.

– Меня давно мучает вопрос... Почему люди говорят: «Благими намерениями вымощена дорога в ад?» Разве это не богохульство? Разве могут добрые намерения служить Сатане?

Отец Георг прожевал кусок лепёшки, и ответил, задумчиво глядя на языки пламени, старающиеся лизнуть его босую пятку:

– Как нам известно из Святого Писания, после своего грехопадения первые люди утратили былое достоинство, стали тленными и смертными..., – было видно, что священнику доставляет удовольствие беседовать на темы, в которых он был весьма сведущ. – В состоянии болезни оказались также божественные силы нашей души, а именно – ум, чувства и воля. Я бы сказал, что люди стали страстными и обратились на земное в бесконечном стремлении к обладанию...

Возле самого лица священника пропорхнула ночная бабочка. Где-то неподалёку заухала сова...

– Однако, – продолжал, поглаживая живот, отец Георг, – образ Божий в человеке хотя и помрачился, но не исчез совсем. Он проявляется в наличии разума, свободной воли и стрем-

лении к любви, правде и истине. Но у человека, устремлённого к земному, эти благие намерения искажены до неузнаваемости. Вот поэтому первое, что сказал Иисус, выйдя из пустыни на проповедь, были слова: «Покайтесь!..» Для тех же, кто покаялся и смирился, благими намерениями вымощена дорога в Царство Небесное, потому что их намерения с этого момента соответствуют силам бессмертной души!

Костёр громко «похрустывал» сучьями. Отец Георг опасливо оглянулся.

– Вот что, сын мой. Хоть ваш начальник и запретил употреблять вино, у меня есть фляга. И я с тобой обязательно поделюсь рейнским, раз душа твоя требует просветления...

– Благодарю тебя, святой отец. Но мне и вправду нужно быть трезвым... Скажи-ка мне лучше: язычники, которые придут в лоно Святой католической Церкви, не будут ли испытывать «притеснения»? Ведь... как бы это выразить... Новобранцев всегда в чём-то ущемляют...

– Господь всех любит одинаково. И рад каждому новообращённому. Будешь соблюдать Его Заповеди – ждёт тебя Царствие Небесное, а нет – то готовься попасть в чистилище...

– М-да, – почесал затылок брат Ансельф. – А скажи-ка мне, святой отец, что такое чистилище и на какой срок попадают в него грешные души?

Ветер совсем стих. Угомонились и птицы, вдоволь наклевавшиеся перезрелых ягод... Висла тоже успокоилась и погрузилась в сон... Тихая, лунная ночь опустилась на землю пруссов. Из ближайшей палатки раздавался могучий храп брата Рудольфа фон Ломзе. Отец Георг устроился поудобнее на толстом бревне, и ответил:

– Католическая церковь, сын мой, учит, что чистилище – это не «место», там нет сроков. Это – состояние человека, который умирает в мире с Богом и людьми, но которому ещё требуется очищение, прежде чем он сможет узреть Господа лицом к лицу. – Отец Георг немного помолчал. – Так что, чистилище – это не наказание, а помощь. Человек сам наказывает себя, когда грехом и неверием закрывается от жизни вечной. Истинно сказано: «рай и ад мы носим в себе и забираем с собой в вечность...» А Бог желает спасти каждого человека до самого последнего момента. Но следует не забывать, что вместе со смертью истекает и время решений...

Наутро 21 июля отряд продолжил движение. И хоть новых нападений со стороны пруссов не последовало, все были уверены: они где-то рядом. По словам проводника, Матиаса, подмастерья местного кузнеца, крестоносцы шли по полю (52) Ширмис, что в волости кунигса Валитиса Упрямого, у которого в дружине очень много храбрых воинов.

До самого конца июля дни тоже выдались относительно спокойными. Казалось, что грозный куниг смирился и позволил отряду крестоносцев беспрепятственно пройти по его земле к намеченной цели.

Но с началом августа пруссы снова дали о себе знать. 4 августа отряд брата Рудольфа вновь обстреляла большая группа лучников, было убито три кнехта и ранено два брата сарианта. 8 августа витингсы (53) Валитиса, числом не менее сотни, набросились на отряд. Завязалось нешуточное сражение. В этот день было пролито немало крови с той и с другой стороны. Отряд брата Рудольфа спасла выучка и постоянная готовность к бою. Крестоносцы моментально выстроились в боевой порядок, умело защищаясь от нападавших всадников. Битва длилась больше часа, казалось, что пруссы не намерены уступать поле боя. Погиб один из рыцарей, брат Людвиг фон Хохштейн, один за другим пали четыре брата сарианта, кнехты потеряли десять человек... И тут в бой вмешалась сама природа. Небо резко заволочло громадами грозных туч, ударил гром, начался ливень... Сильный ветер и полосы дождя гнули густые заросли. Деревья тревожно шумели и стонали. Пруссы решили, что сам Перкуно вмешивается в их дела, и решили закончить сражение. Крестоносцам вновь была дана передышка, но никто не знал, сколько времени она продлится.

К середине августа отряд брата Рудольфа достиг дельты Вислы. Местность здесь была заболоченной, передвигаться по ней было крайне тяжело. В низинах чавкало под ногами.

Стволы деревьев потемнели от влаги, опавшие листья набухли и осклизли. Ямки следов тут же заполнялись мутной жижой...

На очередном привале фон Брайден спросил братьев рыцарей:

– Есть ли смысл нам всем топтать по болотам к заливу? Не лучше ли сесть в лодку и отправиться по реке?

– Пресвятая Дева! Ты прав, брат Рудольф! – воскликнул Ансельф. – На лодке можно за день проделать такой путь, который пешком мы не пройдем и за неделю...

– Но это опасно, брат Ансельф. У пруссов тоже есть лодки..., – заметил рассудительный фон Ломзе.

– Вот что, братья, – проговорил Рудольф. – Вы оба правы. Тот, кто пойдет на лодке, сильно рискует... Но, я думаю, риск стоит того..., мы потеряли уже немало наших братьев, и потеряем еще больше, добираясь до залива. Поэтому я предлагаю бросить жребий. Тот из нас, кому выпадет судьба, отправится на лодке с двумя-тремя кнехтами...

– Не надо жребия, – объявил вдруг рыцарь Герман фон Нойбург. – Предоставьте мне совершить плавание к заливу! Я давно молю Пресвятую Деву Марию, чтобы она предоставила мне возможность отличиться перед рыцарями нашего отряда и совершить подвиг!..

– Никто не сомневается в твоей храбрости, брат Герман, – заметил Рудольф.

Фон Нойбург был посвящен в рыцари совсем недавно. Ему едва исполнилось двадцать, и он горел желанием проявить себя с самой наилучшей стороны.

– Хорошо ли ты плаваешь, брат? – спросил Рудольф фон Ломзе.

– Хорошо, – ответил тот. – Но плавать я заставлю своих врагов!

Фон Брайдену понравился такой ответ.

– Ну что ж..., – промолвил тот. – Мы будем молиться за тебя! Пресвятая Дева пребудет с тобой, брат.

Затем брат Рудольф поднес рог к губам и протрубил условный сигнал. Тотчас ему откликнулись с реки.

– Собирайся в путь, брат Герман. Лодка скоро будет здесь...

Ранним утром 20 августа фон Нойбург, взяв с собой оружие и облачившись в легкую кольчугу, отправился в поход по реке. Его сопровождали трое кнехтов – двое сидели на вёслах, а третий с арбалетом следил за лесом.

Четвертью часа позже путь ему перегородили три лодки с прусскими воинами. Короткое сражение закончилось тем, что посуда рыцаря сначала была перевернута, а потом захвачена. Кнехтов и фон Нойбурга пруссы жестоко казнили на берегу Вислы.

А орденские братья продолжали двигаться посуху к устью реки. К концу августа им удалось, несмотря на постоянное противодействие пруссов, достичь залива. Выйдя на берег, братья рыцари обнаружили, что корабля в заливе нет. Они не знали, что незадолго до их появления пронёсся шторм, заставивший судно уйти под защиту Путцегеровской косы, а заодно и отремонтировать там такелаж.

Выполняя приказ ландмейстера, крестоносцы решили остаться в этих местах, чтобы дожидаться корабль. Они двинулись к небольшому селению Бресен, где устроили укрепленный лагерь. В тревожном ожидании потянулись дни...

Судно появилось только 5 сентября. Одномачтовый когг (54) подошёл почти вплотную к берегу, где его и встретили орденские братья. Получив 61 шефель жареных кофейных зёрен, крестоносцы отправились обратно, на встречу с ландмейстером.

Глава 8. 1232 год. Самбийское лето

С тех пор, как Барт и Дуона обрели друг друга, прошло чуть больше двух лет. Молодая семья соорудила небольшую пристройку к отчому дому с отдельным входом. К вайделоту, пользующемуся уважением у жителей, обычно приходило много посетителей, а тревожить пожилых родителей Барту не хотелось.

Первым делом вайделот вкопал возле своего жилища побег калины. Это растение обязательно сажали возле нового дома, особенно если в семье рождались дочери... А новорожденную девочку первый раз обязательно купали в воде, в которую клали целебные ягоды и листья. Народ самбов свято верил в могущество «женского» дерева и в его огромное влияние на судьбу будущей матери. Поэтому оно сопровождало их жён всю жизнь. Для облегчения родов они брали с собой несколько (пусть даже сушёных) ягод калины. В свадебный венок вплетали ветки, цветы и гроздья калины, ими же украшали праздничный стол и супружескую постель. Считалось, что это оберегает женщину «от сглаза» и дарит ей супружеское счастье. Ну, а коль одолеет любовная тоска, то цвет калины, прижатый к сердцу, надёжно от неё лечит...

Локис благодарил в молитвах вечно юного Потримпо за то, что в канун дня зимнего солнцеворота и праздника почитания домашнего очага у них с Дуоной родилась дочь. Ей дали имя Пролис. В честь безбородого Бога Барт принёс жертву – зарезал молодую овцу и пролил её кровь на священный камень Бохус. На вершине валуна имелся отпечаток детской ноги, куда и попала кровь животного.

Поскольку никто не мог сказать, каким образом и когда на огромном валуне появился чёткий отпечаток детской ножки, на котором были видны малейшие выпуклости и впадины стопы, то жрецы Самбии посчитали это следом одного из Богов. Вайделоты давно возвели валун в ранг «святого камня» и с незапамятных пор начали проводить возле него разные торжественные обряды, в основном, связанные с рождением детей.

В своей семье это событие тоже отпраздновали на славу. Был устроен настоящий пир: Анни с Дуоной выменяли у соседей отличный кусок конины, на стол выставили целый жбан крепкого кумыса. Кроме этого, Барт пригласил в дом жрецов-буртиников, народных певцов, с бубном и трещотками, рожками и тростниковыми дудками, которые усладили слух и душу слаженным, весёлым пением.

Жилось молодожёнам хорошо. Дуона помогала Анни по хозяйству. Привычная к труду, она успевала везде: и на огороде, и на кухне, и в лесу, когда они выбирались за грибами или ягодами. Невестка в любой обстановке выглядела свежей и ухоженной. Она бережно относится к одежде и почтительно вела себя с домочадцами. Если же ей приходилось ходить или бегать, то она делала это очень мягко и бесшумно, чем напоминала дикую кошку...

Поначалу семья приняла жену Барта настороженно: известно, как относятся к ненужным, проданным жёнам. Но после того, как Анни захворала, а Дуона ночи напролёт сидела у её изголовья и подавала приготовленные Бартом снадобья, отчего мать довольно скоро поправилась, отношение к невестке сразу изменилось. Скамбо, который считался старшим в семействе, правоту сына наконец-то признал, и на Дуону стал посматривать более ласково. Да и «старшинство» его казалось уже довольно шатким – большинство жителей селения обращались за помощью и советом к Барту, а не к нему. С другой стороны, разве это плохо?

Старый охотник по-прежнему редко возвращался из леса или с реки без добычи, а с поздней осени до ранней весны он занимался исключительно пушным промыслом. Барт собирал травы и готовил из них целебные снадобья. Люди захаживали к нему, и покидали дом обнадёженными. От многих болезней вайделоту удавалось помочь местным жителям. Локис умел найти заветную траву, заговорить её, приготовить по известным одному ему рецептам целебный порошок, настойку или мазь. Слава о его возможностях разнеслась по всей волости.

И только семейство Жмогуна не хотело и слышать о Барте. Если отец и старшие сыновья старались помалкивать, то Литис непрестанно твердил, что расправится с ненавистным вайделотом. Особенно он взбесился, узнав, что Дуона, которая не подарила ему ни одного ребёнка, родила Локису прекрасную, здоровую дочь! И, похоже, она снова на сносях! И живётся ей сейчас не в пример лучше... Проклятье! Скорее бы пришли крестоносцы, уж тогда он поквитается с вайделотом и его женой!

Однажды Барт, оставив дома жену и дочь, вышел в поле на поиски целебных трав. Небо нахмурилось, жара спала, но чувствовалась тяжёлая духота. По тоскливому небосводу ползли низкие серые облака. Потом они вовсе уплотнились, и солнце, похоже, появляться не собиралось... Но в родной природе всё красиво! Он шёл, срезая горб поля, а затем берёзовой рощей. Набирал силу буйный напористый иван-чай, колыхались волны зверобоя и ромашки. Тут и там на путника приветливо поглядывали доверчивые глазки черники, ежевики и малины. Ягоды выпирали из листвы гроздьями: сочные и большие... Затем ведун вышел на поляну, сплошь покрытую следами лесных жителей: коз и зайцев... Присев на корточки, он стал всматриваться в отпечатки звериных лап...

Навстречу Локису, со стороны укрепленного городища Твангсте брёл пожилой мужчина. Одежда странника состояла из длинной туники, обшитой белой тесьмой, в качестве завязки использовался белый шнурок, внизу болталось украшение в виде кистей из бычьих хвостов. Он был опоясан широким белым поясом, на ногах же носил башмаки из толстой сосновой коры. По всей видимости, это был жрец-сигонот (55), странствующий по Самбии и живущий тем, что предсказывает людям будущее. Барт знал, что таких прорицателей появилось в последнее время довольно много. Одни определяли грядущее по полёту птиц, это так называемые «зильнеки». Другие делали прогнозы по соли и пивной пене. Этих прозывали «канну-рагутис». Были ещё «вейоны», которые вещали по ветру, «жваконы», видящие будущее в пламени и дыму. Попадались и «путгоны», гадалышки по воде. Известное дело – наступили тяжёлые времена, и каждый человек хотел «заглянуть» хоть немного вперёд, чтобы быть готовым к предстоящим событиям...

Поравнявшись с Бартом, странник взглянул на него, и, казалось, обрадовался.

– Не ты ли будешь Барт Локис, вайделот, лечащий людей?

Надтреснутый голос путника напоминал звук пилы, вгрызающейся в плоть дерева.

– Да, это я, – ответил «знающий». – А ты кто? Прорицатель? Глаз у тебя не просто смотрит, но и видит...

– Ха, – усмехнулся тот. – Такого детину ни с кем не спутаешь! Мне описали тебя люди. Ты точно – медведь, клянусь молниями Перкуно!.. Ты ведь, насколько мне известно, непосвящённый жрец, вуршайт...

– Так и есть. Зачем я тебе понадобился? Если с тобой приключился какой-нибудь недуг, пойдём ко мне в дом, чем смогу – тем помогу...

– Нет, – замотал лохматой головой странник. – Я здоров, хвала Окопримсу! Меня послал по землям Самбии сам Криве-Кривайто! Он хочет до каждого «знающего» донести своё слово, поскольку... ты сам знаешь, что творится на свете...

– Враг идёт на нас, – тихо ответил Барт. – Крестоносцы...

– Вот именно. Ступай же немедленно в Ромове и предстань пред очи Криве... Ты будешь посвящён в жрецы-травники, и тогда все твои будущие деяния окажутся под полной защитой Окопримса!

В прищуренном взгляде жреца читался такой мощный посыл и призыв, что Барт почувствовал: он должен немедленно собираться с дороги. Таким пронзительным взглядом обладал только один человек – его почивший учитель Жол.

– Не хочешь ли отдохнуть с дороги? – спросил Локис странника. – Пойдём ко мне в дом, я тебя угощу чем-нибудь, а затем ты отправишься дальше...

– Нет, – опять замотал головой странствующий жрец. – Я передал тебе слова Криве, и ты их услышал. А мне надо торопиться... Самбия большая, в ней ещё много таких, как ты...

И он поковылял дальше, в ту сторону, откуда весной прилетают птицы.

Набрав целебных трав, Барт сунул пучок в котомку и поспешил возвратиться домой. Был он задумчив: встреча со жрецом-сигонотом что-то перевернула в его душе. Видимо, надо действительно собираться в священный городок их земли, Ромове, на встречу с верховным жрецом Криве-Кривайто.

Не доходя несколько шагов до своего дома, вайделот внезапно остановился. Его тут же обступила стайка ребятишек. Они о чём-то галдели, перебивая друг друга, из-за чего Локис долго не мог понять, что же произошло. Наконец, он сообразил: у одного из детей внезапно кровь хлынула носом. Его друзья, недолго думая, решили призвать на помощь знахаря, благо, тот жил совсем рядом.

– Помоги, дядюшка Локис! – детские глаза с мольбой и надеждой смотрели на «знающего».

– Где он, этот бедняга? – Барт старался говорить с улыбкой, для того, чтобы ребята успокоились.

– Вот он, – к нему подвели бледного и испуганного паренька лет десяти, который зажимал нос рукой. Несмотря на это, кровь продолжала сочиться сквозь пальцы. Растерянный взгляд мальчишки говорил о том, что тот не знал, чего бояться больше: кровотечения или медведеподобного вайделота.

– Не бойся, малыш. Отпусти свою руку, – ласково попросил ведун.

Тот повиновался.

Локис склонился над парнишкой, одну руку положил тому на плечо, а пальцем другой нажал на верхнюю губу мальчишки, под самым носом, при этом произнёс фразу на непонятном языке... Кровь быстро остановилась...

– Вот и всё, малыш. Иди, гуляй дальше!

– Спасибо, дядюшка Локис!

Придя домой и развесив травы в сенях для просушки, Барт начал собирать вещи в дорогу.

– Ты вновь куда-то уходишь? – спросила озабоченная Дуона.

Маленькая Пролис спала в подвешенной к потолку люльке.

Взглянув на вновь округлившийся живот жены, Локис ласково погладил её светлые волосы.

– Мне нужно съездить в Ромове к Криве-Кривайто.

– К самому Криве? А когда ты вернёшься?

– Рассвет заглянет в твоё окошко столько раз, сколь пальцев на твоей прекрасной руке...

А может быть, чуточку раньше.

В тот же день Барт оседлал коня и отправился в путь, туда, где повисает солнечный диск в обеденное время, к границе Бартии и Натангии.

Легенда гласит, что в стародавние времена братья-короли Кимбрии (56) Брутен и его брат Видевут со своей роднёй и подданными, будучи изгнаны готами со своих исконных земель, сели на плоты и прибыли по морю к устью Вислы в Ульмиганию (57), где обнаружили неведомый народ. Здесь они остановились и начали строительство замков и деревень. Используя иногда силу, порой – хитрость, но чаще – дружелюбие, они нашли поддержку среди местных жителей и стали правителями Ульмигании.

Брутен и его брат-близнец Видевут построили несколько замков (58), они научили местных жителей сбраживать мёд. Со временем, Ульмигания стала вести жизнь по обычаям пришедших на её землю кимбров...

В 521 году Брутен и Видевут созвали советников и спросили их, кого они хотят видеть своим властителем. Те указали на старшего из братьев – Брутена. Но тот отказался от власти в пользу брата, сам же пожелал служить Богам. После коронации Видевут объявил Брутена высшим владыкой – верховным жрецом с культовым именем Криве-Кривайто, которого все должны были слушаться и почитать, как Бога.

Именно Брутен и основал главный прусский культовый центр Ромове. Он создал там «обитель» для богов Патолло, Потримпо и Перкуно, и стал первым верховным жрецом Криве-Кривайто.

Ранним утром 16 июня 1232 года огромный рыжебородый вуршайт Барт по прозвищу Локис пересёк окружённые древним земляным валом границы городища Ромове.

Это было место на излучине Прегоры, поросшее соснами, берёзами и дубами. Из изумрудных крон деревьев доносилось птичье пение, белки скакали с ветки на ветку, а из-под земли, весело журча, пробивались родники. Поодаль стояли невысокие дома – жилища жрецов, крыши некоторых из них украшали олени рога, далее, на небольшой возвышенности рос огромный священный дуб, листья которого, как не раз слыхивал Барт, оставались зелёными и зимой, и летом. Это было центральное место святилища.

Дерево было поистине огромным, кряжистым, с раскинутыми широко над землёй ветвями. У Барта захватило дыхание при виде величественного исполина. В его кроне, казалось, может разместиться целое селение вроде Лаоме... Там, внутри, возможно, таится целый мир, живущий таинственной жизнью в этой сумрачной, бездонной зелени листьев и ни о чём не беспокоящийся, пока прочно стоит могучий великан и солнце освещает его кудрявую голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.